

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

 ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

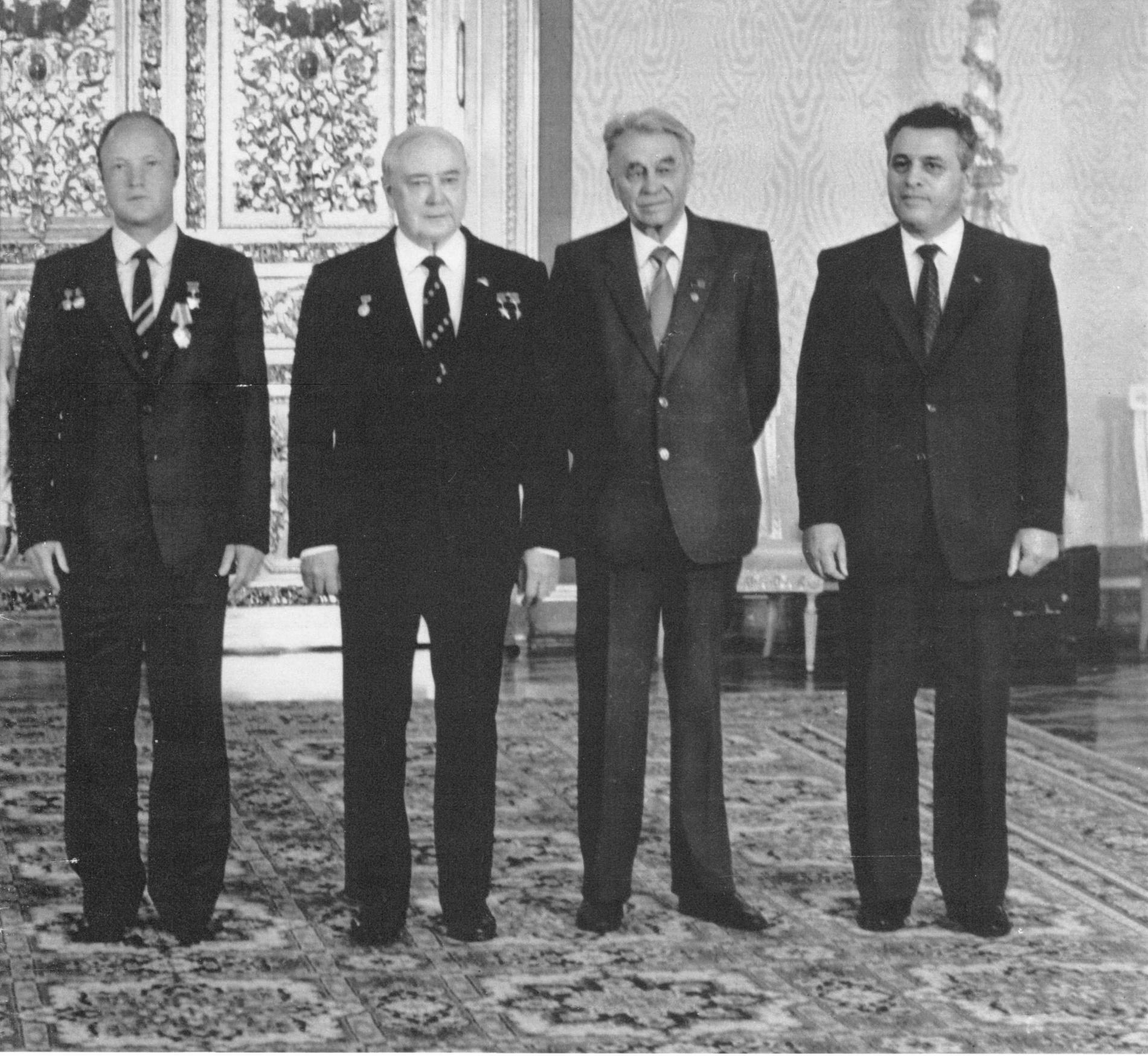
Основан
1 апреля
1923 года

№ 37 (2982)

8 СЕНТЯБРЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

НАГРАДЫ ГЕРОЯМ КОСМОСА

Во время вручения наград.

Фото А. ГОСТЕВА

Новой яркой страницей в истории освоения космического пространства явился успешно завершенный в июле этого года полет экипажа с участием женщины-космонавта на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Салют-7» — «Союз».

За успешное осуществление космического полета и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР командир корабля летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Владимир Александрович Джанибеков награжден орденом Ленина.

Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Светлана Евгеньевна Савицкая награждена орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда».

Космонавту-исследователю Игорю Петровичу Волину присвоены звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», а также звание «Летчик-космонавт СССР».

5 сентября в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил высшие награды Советского Союза летчикам-космонавтам СССР В. А. Джанибекову, С. Е. Савицкой и И. П. Волину. Б своем выступлении он, в частности, сказал:

— У нас сегодня встреча радостная, торжественная. По добной традиции мы собрались здесь, в Кремле, чтобы сердечно приветствовать героев космоса Владимира Джанибекова, Светлану Савицкую и Игоря Волина, вернувшихся на родную землю после блестящей работы в космических далах...

Их драгоценный опыт наверняка найдет применение при создании крупных орбитальных станций, которые будут не только лабораториями, но и своего рода космическими производственными цехами.

Триумф славного экипажа «Союза Т-12» по праву разделяют Леонид

Кизим, Владимир Соловьев и Олег Альков — гостеприимные хозяева космического комплекса. Они настолько освоились с условиями длительного полета, что, похоже, выходы в открытый космос стали для них регулярной прогулкой. Уже сейчас можно сказать, что успешное выполнение ими насыщенной и новаторской программы исследований станет еще одной заметной вехой в познании человечеством земных тайн и тайн Вселенной...

Впереди у нас обширные замыслы и планы. Есть они и у других стран. И наше государство, наша партия убеждены: жизненно необходимо позаботиться о том, чтобы космос был мирным и только мирным...

Договоренность по этой проблеме была бы жизненно важной для всего человечества. Кроме того, она могла бы в какой-то мере привнести в советско-американские отношения столь недостающие им элементы взаимного доверия.

В своих выступлениях космонавты выражали глубокую благодарность Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству, товарищу К. У. Черненко за оказанное доверие выполнить космический полет и за высокие награды Родины.

В память о полете космонавты вручили товарищу К. У. Черненко свидетельство о полете на борту научно-исследовательского комплекса «Салют-7» — «Союз Т-11» — «Союз Т-12», подписанное всеми членами космического экипажа.

При вручении наград присутствовали заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнов, заведующий отделом ЦК КПСС И. Ф. Дмитриев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешавили, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Прибытиков, начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина генерал-лейтенант авиации Г. Т. Береговой, другие официальные лица.

Во время встречи.

Фото Д. Гетманенко

Специалистам известно, что в школах влияние войны ощущалось по-своему вплоть до наших дней: в определенные годы возникал недобор первоклассников. Не занимали на партах своих мест сначала неродившиеся дети, потом внуки тех, кто погиб в сороковые годы. Сейчас, похоже, волны времени сгладили и эти шрамы войны. Осталась только память... И как хорошо, что теперь каждый новый учебный год начинается в школах особым уроком, словно задающим программу для памяти на весь год — уроком мира!

...Москва, 1 сентября 1984 года. Одна из столичных школ, ее номер 279, стоит на проспекте Мира. Восемь часов утра. Цветы, ранцы, озабоченные учителя, суетящиеся родители возле своих малышей-первоклашек и полные достоинства старшеклассники в еще «не притертой», впервые надетой нововведенной школьной форме.

Честно говоря, я побаивался, что мероприятие, как бывает, вдруг обернется формальностью: митинг, дежурные слова, прочитанные по бумажке... И тогда живая и понятная даже в стертых словах боль наших поколений будет далека для этих ребят — для них, сегодняшних.

Урок повел преподаватель физики В. А. Есион, и найденные им простые, понятные слова о мире весомо подтверждались наградными планками на его пиджаке. Выступает ветеран войны полковник С. П. Мыльников, работник Советского комитета защиты мира А. С. Бандуров... Актовый зал школы, заполненный старшеклассниками, не остается равнодушным — чувствуется его реакция на каждое слово, каждая фраза находит свой адрес. Окончательно покорила всех член Советского комитета защиты мира, олимпийская чемпионка И. К. Роднина: уже прозвенел в коридоре звонок, а ребята, кажется, готовы были пожертвовать переменой, чтобы дослушать рассказ гостьи о ее встречах с простыми людьми за границей, о том, как всем нужен мир, в любом уголке земного шара.

Да, опасения мои были напрасны: этот урок не поделил зала на выступавших и безучастных слушателей. Оказалось, школьникам и самим есть что рассказать. Уже много лет как созданы здесь два музея — «Поиск» и А. Т. Твардовского (именем которого названа школа), работает Клуб интернациональной дружбы, собрано много документов о вышедших из стен школы участниках Великой Отечественной войны, ставятся спектакли, проведены экспедиции поиска в Новгород, Волгоград, Смоленск. И этот урок мира готовили и организовывали в основном сами ребята.

— Мы стали ходить в школу почти с середины августа, — говорит секретарь комитета комсомола Катя Солдатенкова, — мы уже привыкли готовиться к таким встречам самостоятельно. Раньше урок мира проходил у нас раздельно, в классах, а в этом году решили сделать его общим...

А вечером того же дня я услыхал на коротких волнах радиопередачу о том, что в советских школах молодежь уж слишком военизируется — мол, детей заставляют разыскивать следы войны, о которой давно пора бы забыть. Нет, забвение не способ защищать от военной угрозы. Сотни тысяч уроков мира нужны, просто необходимы поколению тех, для кого война должна оставаться лишь памятью...

Б. СМИРНОВ
Фото Д. Дебабова

В 8.00 НА ПРОСПЕКТЕ

ТОРЖЕСТВА В СЛОВАКИИ

По приглашению ЦК КПЧ и правительства ЧССР советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Д. Ф. Устиновым принимала участие в торжествах по случаю 40-летия Словацкого национального восстания.

28 августа делегация была принята Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

Д. Ф. Устинов передал от Политбюро ЦК КПСС, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, от Советского правительства и всех советских людей Г. Гусаку, Центральному Комитету КПЧ, правительству ЧССР, всем чехословакским труженикам сердечные поздравления по случаю 40-й годовщины Словацкого национального восстания и наилучшие пожелания дальнейших успехов в деле социалистического строительства в ЧССР.

В тот же день в Бансна-Бистрице состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Словакии, ЦК Национального фронта, Национального совета и правительства Словакии, посвященное юбилею Словацкого национального восстания. На нем присутствовали Г. Гусак и другие руководящие деятели ЧССР, советская партийно-правительственная делегация во главе с Д. Ф. Устиновым.

На площади перед памятником-музеем Словацкого национального восстания состоялся многотысячный митинг трудающихся и молодежи.

29 августа делегация возвратилась в Москву.

Лето, до свидания! Школа, здравствуй!

МИРА...

«МОРАЛЬ» ПО-ВАШИНГТОНСКИ

Юрий КОРИЛОВ

День и ночь, день и ночь грохочут в Вашингтоне пропагандистские барабаны. И чем обнаженнее подлинные цели американских претендентов на мировое господство, чем выше волны общественного возмущения и протестов против агрессивного курса новоявленных «крестоносцев», тем активнее стремится «команда Рейгана» скрыть, замаскировать милитаристскую суть и гегемонистскую направленность своей политики, усердно выдать себя за ревнителей и защитников некоей «международной морали».

Все это ложь! Ложь сознательная, злонамеренная.

В наш ядерный век нет задачи важнее, чем сохранение и упрочение мира: характер современного оружия стал таким, что, будь оно пущено в ход, под угрозой оказалось бы само существование человечества. Видные государственные и общественные деятели разных стран, печать вновь и вновь подчеркивают, что борьба за мир и безопасность народов — стержневое направление всей деятельности Советской страны на международной арене. И это действительно так! Нет такой важной для укрепления мира проблемы, по которой наша страна не выступила бы за последние годы с конкретными предложениями. Нет такого вида вооружений, который Советский Союз не согласился бы ограничить, запретить на взаимной основе, по договоренности с другими государствами, а затем и изъять из арсеналов. Как еще одно яркое и убедительное свидетельство подлинного миролюбия СССР расценены повсюду недавние ответы товарища К. У. Черненко на вопросы газеты «Правда», в которых подтверждена готовность нашей страны к честным и серьезным переговорам, нацеленным на нахождение договоренностей, учитывающих интересы безопасности всех стран и народов. Этот принципиальный внешнеполитический курс полностью отвечает национальным интересам всех стран. Он отвечает и высшим критериям морали, ибо может ли быть задача гуманнее, благороднее, чем сохранить чистое небо над планетой, уберечь род человеческий от ядерного самосожжения?

Линия социалистической политики и дипломатии на упрочение мира глубоко созвучна чаяниям народов, но она, эта линия, вызывает ожесточенное противодействие в правящих кругах США, в стане НАТО. Задавшись целью любой ценой сломать военно-стратегическое равновесие между СССР и США, Варшавским Договором и НАТО, вавингтонские правители продолжают форсированную материальную подготовку к войне: военный бюджет США на 1985 финансовый год достигнет 300 миллиардов долларов — рекордная сумма в истории страны, а разработанный «командой Рейгана» пятилетний «план перевооружения Америки» обойдется американским налогоплательщикам более чем в два триллиона долларов. Завершившийся недавно в Далласе (Техас) съезд правящей в США республиканской партии подтвердил ставку на продолжение силового, конфронтационного курса США в отношении СССР и в международных делах в целом. И вот эту-то милитаристскую линию в Вашингтоне, не стесняясь, объявляют едва ли не «вершиной международной морали»!

В политике, как и в жизни, подлинно моральной может быть лишь такая линия поведения, когда слово не расходится с делом, а сами дела носят такой характер, что не нуждаются в маскахатах. А как действуют в международных делах правящие круги США? Из Вашингтона извергаются прямо-таки потоки «миротворческой» риторики о стремлении администрации к «контролю над вооружениями», к диалогу по важнейшим проблемам дня, и та же самая администрация срывает, блокирует, подвергает обструкции любые меры, направленные на обуздание гонки вооружений.

Претендую на то, чтобы быть сильнее всех, вершить судьбы народов, вавингтонские «крестоносцы», объявляющие суверенные страны и целые регионы планеты «сферой американских жизненных интересов», усиливают «силовое давление» по всем азимутам. Циничное вмешательство во внутренние дела независимых государств, попытки путем интервенций и угроз задушить революционное и освободительное движение, экономические «санкции» и пропагандистская агрессия, диктат и шантаж — такие инструменты имперской стратегии Вашингтона. Однако, по «логике» Рейгана и К⁰, даже и откровенный международный гангстеризм, коль скоро он инспирирован США, должен рассматриваться не как гангстеризм, а как... «защита принципов международной морали»! Кощунство — иначе клятвы вавингтонских «крестоносцев» о их «приверженности принципам международной морали» не назовешь...

«Проведение политики с позиции силы в Вашингтоне пытаются обосновывать некими соображениями «морального порядка», — отметил, отвечая на вопросы газеты «Правда», товарищ К. У. Черненко. — Там хотели бы ни много ни мало присвоить себе право определять, какие государства являются «демократиями», а какие нет, кого зачислить — на манер режима Пиночета в Чили и рабочих Южной Африки — в поборники «свободы», а в кого бить крупным калибром, как это было в Ливане, да и не только там. Иначе говоря, моральным объявляют все, что считают для себя позитивным, вплоть до свержения законных правительств, политики государственного терроризма, ведения необъявленных войн. В этом главная причина обострения существующих и появления новых очагов напряженности, будь то на Ближнем Востоке, на юге Африки, в Центральной Америке, в других районах».

Отстаивая и защищая мир, наша страна будет и впредь давать решительный отпор агрессивным пополнованиям империализма, разоблачать его попытки скрыть свои милитаристские планы и акции за завесой массированной лжи.

СЛАВНЫЙ ПРИМЕР СОТРУДНИЧЕСТВА

Индийские космонавты и сопровождающие их лица во время посещения мемориального музея В. И. Ленина в Смольном.

Фото ТАСС

Казалось, совсем недавно побывал на орбитальной станции «Салют» международный советско-индийский экипаж и премьер-министр Индии Индира Ганди назвала его работу «славным примером сотрудничества».

И вот индийские космонавты Р. Шарма и Р. Мальхотра снова в нашей стране. Они приехали в Москву по приглашению Академии наук СССР.

Их радостно встретили советские космонавты, теперь их друзья, В. А. Шаталов, Ю. В. Малышев, Г. М. Стрекалов, А. Н. Березовой, Г. М. Гречко. И, конечно, один из первых визитов — в Звездный. А потом Ракеш Шарма и Равиши Мальхотра побывали в Ленинграде, Киеве, Алма-Ате. С волением переступили они порог мемориального музея В. И. Ленина в Смольном, поклонились Вечному огню на Пискаревском кладбище. В Киеве посетили мемориальный комплекс «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», ознакомились с достопримечательностями города. Затем их ждала Алма-Ата, так напомнившая своим жарким солнцем родную Индию.

Дни подготовки к космическому полету навсегда останутся в памяти индийских друзей — изучение русского языка, теоретических основ космонавтики и, наконец, космической техники.

Они работали на тренажерах, учились обращаться с бортовым компьютером, осваивая все режимы управления кораблем.

«Даже в самых заветных мечтах я не мог и думать, что когда-нибудь окажусь в космосе. Даже сейчас все происходит, кажется мне невероятным», — говорит Р. Шарма.

В программу эксперимента «Терра» вошла фотосъемка Индии из космоса. Родина с нетерпением ждала пленки. Они нужны для уточнения географических карт страны, для изучения состояния прибрежной акватории океана, а также рек и озер, для составления новых карт землепользования. Сейчас пленки обрабатываются.

Впервые проводился такой эксперимент, как «Йога». Он начался еще на Земле, когда Р. Шарма отобрал пять упражнений на беговой дорожке. В полете они были успешно прохождены, причем участвовали в них Ю. В. Малышев и Г. М. Стрекалов, ранее йогой не занимавшиеся.

Космонавт-исследователь Ракеш Шарма и его дублер Рашиш Мальхотра с честью выполнили все порученные им задачи. И теперь в Москве Р. Шарма сказал: «Совместный полет индийского и советских космонавтов явился еще одним вкладом в укрепление дружбы народов наших стран. Мы выносим ценным эту дружбу и всегда будем стремиться развивать ее».

В то время, когда индийские космонавты находились в нашей стране, в Индии проходил месячник индийско-советской дружбы, посвященный 13-й годовщине Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией и 37-летию независимости Республики Индии. Советская делегация была принята президентом Индии Зайд Сингхом. «Советский Союз», — заявил президент, — был и остается самым надежным и лучшим другом Индии. Индийский народ сделает все, чтобы дружба между нашими странами была крепкой и нерушимой».

Ольга НИКИТИНА

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

ХЛЕБНЫЙ ПРИЛАВОК

Начатый экономическим репортажем К. Барыкина «Житный, пеклеванный и лаваш» («Огонек» № 20, 1984) разговор о качестве хлеба и торговле им был продолжен («Огонек» № 30, 1984).

...Редакция получила также отклики из министерств и ведомств. Письма обстоятельны, нет возможности опубликовать их полностью. И мы позволили себе выделить основные вопросы, посмотреть на них глазами работников промышленности, торговли и службы стандартизации. Но поначалу представили участникам заочной беседы.

Р. УСМАНОВ, заместитель министра пищевой промышленности СССР: «Репортаж «Огонька» акцентирует внимание на важнейших проблемах производства и реализации хлеба».

А. НАВОЛОЦКИЙ, заместитель председателя Госстандарта СССР: «В репортаже правильно отмечается необходимость разработки нового ГОСТа на муку».

А. СЕРГИЕНКО, заместитель министра торговли РСФСР: «В организации торговли хлебобулочными изделиями еще имеют место недостатки, однако не всегда они зависят только от работников торговых организаций и предприятий».

Е. КЛИНКОВ, член коллегии Министерства торговли СССР: «Проблема улучшения обеспечения населения ржаными сортами хлеба является сегодня актуальной».

Л. БУРМАКИНА, исполняющая обязанности управляющего «Мосхлебторгом»: «За последнее время

проделана значительная работа по улучшению организации торговли хлебом в Москве».

Каково же мнение этих специалистов о житном — новом сорте ржаного хлеба, о котором рассказал «Огонек»?

Р. УСМАНОВ: «Житный получил положительную оценку специалистов и покупателей. Его производство организовано на предприятиях РСФСР, Украины, Белоруссии, Латвии, других союзных республик... В Москве житный пока выбирается лишь один хлебозавод, хотя к его выработке могли бы приступить и другие предприятия, если бы торговля сделала заказ. Объем производства житного можно значительно увеличить, если хлебопекарные и торговые предприятия будут больше о нем заботиться».

А. СЕРГИЕНКО: «Наиболее активно работа по выработке и реализации житного хлеба проводится в Ивановской, Ярославской, Калининской, Владимирской, Калужской, Горьковской областях и ряде других. В настоящее время для ознакомления покупателей с новым сортом хлеба, его пищевыми достоинствами хлебопекарной промышленностью Москвы разработана аннотация, которой снабжены хлебные магазины».

Л. БУРМАКИНА: «Мосхлебторг сообщает, что Управление хлебопекарной промышленности, как это требует «Положение о поставках товаров народного потребления», не обеспечило необходимой документацией торгующие организации. Много нареканий на качество житного хлеба и особенно на то, что этот сорт хлеба значительно хуже по вкусовым качествам, чем выпекаемых...»

Не очень понятно: получили булочные аннотацию о житном, как замечает тов. Сергиенко, или не обеспечены ею, как утверждает тов. Бурмакина. Но суть не только в этом. Тов. Бурмакина ставит под сомнение достоинства житного, никак, однако, не подкрепив свои к нему претензии. А хлеб этот не только вкусен (если хорошо испечен и в булочной не передержан), но и полезен.

Теперь о том, как хлебом торгуются.

Е. КЛИНКОВ: «Торгующими организациями проводится работа по совершенствованию торговой сети, улучшению организации хлебной торговли, сохранению свежести хлеба в процессе хранения и реализации».

Р. УСМАНОВ: «В статье правильно ставится вопрос о совершенствовании торговли хлебом, особенно об информировании покупателей о сроках выработки хлеба и хлебобулочных изделий. Это, на наш взгляд, вполне выполнимо, так как каждая партия хлеба сопровождается документом с указанием времени выхода из печи и времени его отгрузки». (Ни в одной булочной Москвы и ряда других городов мы не нашли объявлений, извещающих о том, когда выпечен и когда выложен на прилавок предлагаемый покупателю хлеб. — Ред.)

А. СЕРГИЕНКО: «Со стороны Минторга РСФСР и в дальнейшем вопросу улучшения организации торговли хлебом будет уделяться постоянное внимание».

И, наконец, о стандарте на муку.

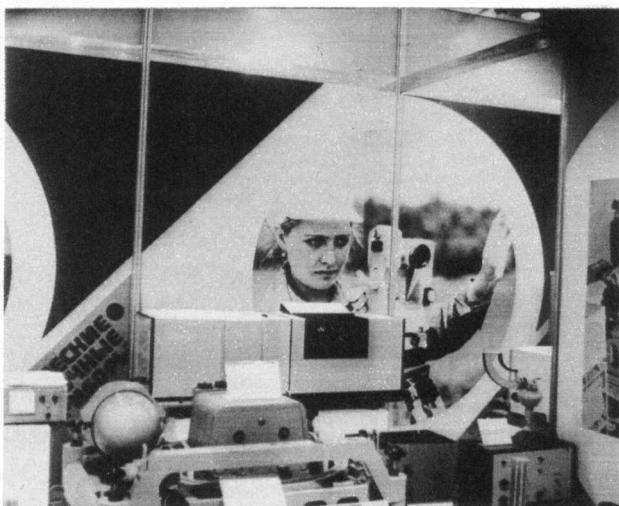
А. НАВОЛОЦКИЙ: «В настоящее

время требования к качеству пшеничной муки установлены общесоюзовыми стандартами, утвержденными Комитетом заготовок при Совнархозе СССР в 1935 году и приказом Наркомзага СССР от 8 апреля 1938 года, а также временными техническими условиями. Публикация правильно отмечает необходимость разработки ГОСТа на муку. Вопрос о новом едином стандарте на муку пшеничную хлебопекарную неоднократно рассматривался в Госстандарте. Однако из-за разногласий между Минпищepromом СССР и Минзагом СССР этот стандарт не утвержден... В настоящее время ведется доработка проекта стандарта».

Р. УСМАНОВ: «Качество поставляемой на хлебопекарные предприятия пшеничной муки — предмет особой заботы нашей отрасли. В репортаже отмечено, что сейчас мука пшеничная хлебопекарная не имеет ГОСТа, что, конечно, отрицательно сказывается и на качестве хлеба».

Разговор, судя по этим письмам, не завершен. Хлеб — главный продукт, и вниманием к нему выверяется многое, работа организаций Министерства заготовок СССР не в последнюю очередь. Тем более что именно предприятия этого министерства поставляют хлебозаводам муку. Поэтому в редакции с особым интересом открыли письмо из этого министерства. К сожалению, заместитель министра В. АНИКИН едва обмолвился о стандарте. «В настоящее время, — пишет он, — во исполнение поручения правительства проводятся разработка взаимоувязанных проектов государственных стандартов на пшеницу и муку пшеничную хлебопекарную». И далее: «В удостоверении о качестве муки отражается большинство показателей качества, предусмотренных действующими нормативно-техническими документами на муку (цвет, вкус, запах, зольность, крупность помола, количество и качество клейковины и др.)». И сообщает: «Указанные показатели качества в достаточной степени характеризуют хлебопекарные достоинства муки».

Но не может же удостоверение о качестве заменить государственный стандарт?

На фото: ГЕОЭКСПО-84. Традиционно одновременно с конгрессом проводятся выставки геологического и геофизического оборудования и приборов, геологических карт и книг.

Фото С. Комарова

ВСЕ ПОМЫСЛЫ О ЗЕМЛЕ

В наше время стало привычным, что буквально по всем отраслям человеческого знания ученые собираются на конференции, симпозиумы, конгрессы. Одними из первых ощутили потребность подобных встреч геологии. Произошло это более ста лет тому назад. Первый конгресс после двухлетней подготовительной работы, в которой деятельное участие приняли и русские разведчики недр, состоялся в Париже в 1878 году. В нашей стране международные конгрессы геологов проходили в 1897 и 1937 годах.

И вот в августе Москва вновь стала столицей геологов всего мира. Сюда съехались более чем из ста стран те, кто посвятил себя изучению Земли — планеты, которая на сегодняшний день является во Вселенной уникальной. Уникальной, ибо доподлинно известно, что на ней есть вода, есть атмосферный кислород, есть жизнь, более того, есть разумные существа... И тревога за их судьбы явственно прозвучала в выступлениях советских и зарубежных ученых, когда они выражали озабоченность в связи с обострившейся обстановкой в мире.

В центре внимания XXVII Международного геологического конгресса стояло более ста крупных научных проблем, по которым было заслушано около двух с половиной тысяч докладов. При участии ЮНЕСКО состоялось пленарное заседание по проблеме ОЛКОС — охраны литосфера как окружающей среды.

Конечно же, геолог прежде всего полевик... На всех конгрессах до и после научной сессии проводились геологические экскурсии, которые «...являются важной частью работы конгресса, предшествуют каждой сессии и завершают ее». Этот пункт Устава конгресса остается неизменным всю столетнюю его историю. К моменту открытия конгресса, как сообщил на пресс-конференции министр геологии СССР профессор Е. А. Козловский, ученые из 36 стран уже находились в поездках по стране. Для участников конгресса организационный комитет разработал обширную программу полевых экскурсий по различным регионам Советского Союза, а также по территориям Венгрии и Чехословакии.

Только за время основной работы конгресса, с 4 по 14 августа, его участники посетили шестьдесят научных организаций, вузов, музеев, обсерваторий.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

К ЧИТАТЕЛЮ — ЗА СОВЕТОМ

КАКИМ БЫТЬ «ОГОНЬКУ» — 85?

Продолжается подписка на газеты и журналы на 1985 год. Редакция занята составлением перспективных планов. Формируем редакционный портфель, ведем переговоры с авторами, намечаем будущие темы, еще и еще раз обращаемся к читательской почте. Ведь лицо журнала в немалой степени определяется советом читателей, мерой их требовательности, их участием в редакционной работе. Поэтому мы просим вас: напишите, каким вы хотите видеть «Огонек» в 1985 году. Мы будем признательны и за развернутые предложения и за лаконичный совет, за подсказанную тему и предложенную рубрику. Что, с вашей точки зрения, могла бы предпринять редакция общественно-политического и литературно-художественного журнала, чтобы он наиболее полно удовлетворял растущие запросы читателей, чтобы ярче, убедительнее рассказывал о борьбе советских людей за выполнение решений XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС; о путях быстрейшего осуществления Продовольственной программы; о разрабатываемой Комплексной программе развития производства товаров народного потребления и системы услуг населению?

Наша партия, весь советский народ уже сейчас готовятся к XXVII съезду КПСС. Это огромное событие в жизни Советской державы. Ждем ваших предложений, советов, какими бы вам хотелось видеть материалы журнала, посвященные подготовке к XXVII съезду партии.

В 1985 году страна будет отмечать 40-летие Победы. Бессмертный подвиг нашего народа, его сынов и дочерей на фронте и в тылу — одна из главных тем журнала 1985 года. Мы не мыслим решение этой темы без самого активного участия читателей, без ваших писем, воспоминаний, семейных архивов, фотографий той поры. Давайте посоветуемся, в какой форме лучше вынести все эти памятные документы на страницы журнала, чтобы сделать максимально яркой коллективную повесть о всенародном подвиге.

Редакцию интересует ваше мнение об очерках, репортажах, статьях по проблемам промышленности, сельского хозяйства, социального и культурного строительства, производства товаров народного потребления, торговли, науки и техники, военно-патриотического и нравственного воспитания; ваше мнение о наших постоянных разделах — проза, поэзия, литературная критика, публикации по истории культуры, статьи, помогающие познакомиться с шедеврами мирового, советского многонационального искусства; удовлетворяют ли вас выступления по театру и кино, телевидению и спорту. Какие публикации по этим и другим привлекающим внимание вопросам вы хотели бы прочитать в «Огоньке»?

«Огонек» получает немало писем. Пока мы не удовлетворены тем, как используем их. Подскажите редакции пути и методы более активного использования ваших писем. Заинтересовали ли вас, в частности, страницы «Читатель — журнал — читатель», «Почта одного дня»?

В журнале прочно утвердился жанр интервью. Что, по вашему мнению, нужно сделать для большей их доходчивости, кого бы вы хотели включить в круг ваших собеседников, с кем и о чем вы хотели бы побеседовать на страницах журнала? Сформулируйте вопросы, которые вас интересуют. Редакция задаст их рабочим и колхозникам, партийным и советским работникам, ученым и писателям, деятелям искусства, театра и кино, руководителям промышленности и торговли, спортсменам и другим интересующим вас людям.

Редакция намечает расширить круг тем, отражающих жизнь семьи, школы, советской молодежи, круг проблем, связанных с формированием личности в развитом социалистическом обществе. Давайте посоветуемся, как лучше это сделать.

Насколько актуальны и действенные проблемные и критические выступления журнала! Приведите примеры, когда вас удовлетворили меры, принятые по тем или иным поднятым в журнале вопросам, и когда — нет. Какие проблемы следовало бы поднять? Мы предполагаем ввести рубрику «По заданию читателя».

Ваши соображения о публикациях на международные темы, о выступлениях журнала на главном направлении — борьбе за мир! Как лучше освещать опыт стран социализма, жизнь народов, борющихся за освобождение от империалистической зависимости? О чем еще хотели бы вы прочесть в международном разделе журнала, в статьях и очерках политических обозревателей, журналистов-международников?

Имена каких писателей и поэтов, советских и иностранных, желали бы вы встретить на наших страницах? «Огонек» печатает художественные и документальные произведения различных жанров. Какие из них привлекли ваше внимание, какие показались не слишком интересными?

И, наконец, — ваше мнение о внешнем облике журнала, о его оформлении, обложках, цветных вкладках, фотоочерках, фотопортретах, о художественном уровне фотографий в «Огоньке».

Ждем ваших писем. На конверте напишите: «Огонек»-85.

* * *

Подписка на журнал принимается предприятиями «Союзпечати», отделениями связи и общественными распространителями печати.

Реваншистские поганки.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Вручение сельским труженикам грамот на владение землей.

Телефото АДН — ТАСС

НИКАРАГУА НА ПОРОГЕ ВЫБОРОВ

«Только сандинисты способны поступать так. Спасибо!» — с трудом подбирая испанские слова, сказал Вильсон Эскобар, вождь общин индейцев-мискито Камбла. Старик был расстроен до слез.

Он стоял на трибуне, высоко подняв над головой плотный лист желтоватой бумаги — документ, закрепляющий право общин на владение землей. Эскобар только что получил этот документ из рук координатора Руководящего совета правительства, команданте Даниэля Ортеги и вот теперь с гордостью показывал его всей площади, всему городу. «Наша земля! Наша — по закону революции!» — взволнованно, путая мискито с испанским, воскликнул он.

Над Пуэрто-Кабесасом, главным городом Северной Селаи, плавилось немилосердное полуденное солнце. И ветер, прилетавший из необозримой океанской дали, тоже был горячим и влажным. Но семь тысяч человек, собравшиеся на центральной площади города, словно не замечали этой сумасшедшей жары. Еще бы, впервые за всю историю Никарагуа государство подтверждало права индейцев на землю.

Селаи, восточный департамент страны, отделен от столицы сотнями километров непроходимых джунглей и болот, десятками рек и речушек, кишащих крокодилами. Он всегда был самым отсталым — даже в сравнении с чудовищно отсталой сомосовской Никарагуа. Культурная, экономическая, религиозная обособленность этого района вкупе с диктатурой породила здесь уродливые, карикатурные формы общественных отношений. Сомосовский губернатор подчинялся только богу на небе и американским компаниям на земле. О развитии Селаи последние, естественно, и не помышляли. В Пуэрто-Кабесасе и Блу-Филдсе, единственных городах департамента, церкви и публичные дома исчислялись дюжинами, зато школы можно было сосчитать по пальцам одной руки. Индейцы жили охотой, контрабандой и сезонным наймом на шахтах и лесоразработках компаний, хотя земли здесь плодороднейшие.

Так жила Селаи до революции. Сейчас в департаменте построены новые школы, открыты больницы и медпункты, установлена радио- и телефонная связь с Манагуа. Через джунгли прокладывается шоссе, которое соединит Селаю с западом и центром страны. Но главное — это, конечно, земля. Индейские общины владели ею всегда, испокон веков. Однако после того как англичане, а затем и американцы обнаружили в Селае золото и начали разработки ценных пород деревьев, индейцев стали сгонять с земель, обрекая на нищету, голод и вымирание. Революция закрепила за общинами право на владение землей. Сегодня здесь собирают хорошие урожаи риса и юкки, успешно развивается животноводство...

Километрах в пятнадцати к югу от Пуэрто-Кабесаса расположена община Ламлая. На берегу океана на высоких сваях стоят три десятка дощатых домиков. Аккуратная белая англиканская церковь, чуть поодаль — новое здание школы, за которым виднеются мачты рыбакских баркасов. В Ламлае живут 435 человек, большинство занято рыболовством и работой в государственной лесокомпании «Корпор». Но недавно они засеяли экспериментальное поле. Решили попробовать. Советами помогали агрономы и техники из Пуэрто-Кабесаса. И, представьте, получилось. Отличный урожай риса. Хватит на год для всей общины.

Обо всем этом рассказывает мне Даниэль Джозеф, самый молодой из индейских вождей. Ему всего тридцать лет, и вождем он избран на совете старейшин всего полгода назад.

— Проблем у нас теперь много, — говорит он. — Вот никак не можем четвертый баркас в море отправить: нет мотора и достать пока негде. «Контрас» мешают. Постоянно живем в напряжении, в ожидании нападения. Приходится отвлекать мужчин на патрулирование, на учения отряда самообороны... Но понимаем, что трудности эти временные. Главное, что нас считают за людей, что в Пуэрто-Кабесасе власти стремятся помочь чем могут. Что

отношение к нам совсем другое, что в региональном совете такие же индейцы-мискито, как и мы. И мы знаем, все это сделал для нас Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО), а потому и будем голосовать за его кандидатов на выборах в ноябре.

...В эти дни Никарагуа живет ожиданием выборов. По стране, с каждым днем набирая силу, проходит предвыборная кампания. В ней участвуют семь политических партий самых различных направлений. Кампания проходит бурно: правые буржуазные партии и стоящие за ними силы пускаются, как говорится, во все тяжкие, любыми средствами пытаются очернить СФНО, правдами и неправдами вырвать победу на выборах. Западная пропаганда, в первую очередь американская, подняла шумный вой об «отсутствии демократии в Никарагуа». Уже сейчас западные обозреватели предсказывают «фальсификацию результатов голосования сандинистами». Контрреволюционные формирования, перед которыми их хозяева из Лэнгли и Белого дома поставили задачу сорвать выборы, пытаются перейти в наступление на всех фронтах. Словом, реакция местная и «импортная», с маркировкой «Сделано в США», стремится помешать победе СФНО.

Но напрасно. Сандинистский фронт начал свою предвыборную кампанию не месяц назад, а 19 июля 1979 года. Начал ее с аграрной реформы, с ликвидации неграмотности, с введения бесплатного медицинского обслуживания, с организации кооперативов в деревне и строительства жилищ для трудящихся в городе... Пять лет СФНО ведет свою предвыборную кампанию, возводя фундамент нового общества здесь, в Селае, и по всей Никарагуа. Поэтому и будут голосовать за него на выборах те, на благо кого все это делается, — народ Никарагуа.

Михаил БЕЛЯТ,
собкор. АПН —
специально для «Огонька»

Пуэрто-Кабесас — Манагуа.

МИР МАСТЕРА

Через всю свою творческую жизнь Дмитрий Аркадьевич Налбандян несет поистине юношеское, вдохновенное, трепетное чувство к картине как высшей форме выражения в живописи того, чем живет современность.

...Однажды Налбандян сказал, что живописи дано брать в руки человеческое сердце. Как достигается это? Какое волшебство скрыто в пристальном взгляде художника, точной его руке, способности не воображать, а видеть то, что его волнует, и уметь нас заставить взглянуть на мир своими глазами, поверить в то, что он изобразил?

Мастерская Дмитрия Налбандяна. Стою перед огромной картиной. Приезд Владимира Ильича Ленина вместе с Надеждой Константиновной Крупской в деревню Кашино. Открытие электростанции в 1920 году. Над этим полотном художник работает второй год. Точнее сказать, почти всю жизнь и второй год. Ведь Налбандян — создатель Ленинианы. За сорок лет он написал много полотен, его картины с образом вождя экспонируются в музеях союзных республик и социалистических стран, пользуются большим признанием. Кисти мастера принадлежат «Последнее подполье», «Канун Октября», «В. И. Ленин в 1919 году», «Ходоки у В. И. Ленина», «В. И. Ленин на съезде» и многие другие.

Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт В. А. Шаталов забрал с собою в космос как дорогую реликвию репродукцию картины «Последнее подполье».

Накоплен огромный опыт, проделана колossalная работа по изучению ленинских трудов, материалов о нем, восстановлен и прочувствован образ вождя. Но в искусстве опыт не только не гарантирует спокойствия, напротив — заставляет искать новые, неизведанные пути к совершенству.

Приехав в Кашино, Налбандян убедился в том, как неизвестно изменилось оно, как далеко ушло его время. Пожалуй, лишь деревянный дом, где теперь музей, да скромный фрагмент пейзажа на заднем плане холста доносят образ старой русской деревеньки.

Художник решает полотно в классической традиции реалистической школы. Им уже написано около 150 рисунков — этюдов, эскизов.

Особого мастерства, и живописного, и композиционного, требует картина — групповой портрет. В 1974 году Налбандян обратился к давно волновавшей его теме, задумал показать выдающихся деятелей армянской культуры и искусства, которые внесли значительный вклад в советскую многонациональную культуру. Так был создан «Вернатун». Художник собрал своих героев в гостиной квартиры Ованеса Туманяна — именно здесь, в Тбилиси, встречались в начале XX века представители демократических сил армянского искусства. У рояля композитор Комитас — светлый и скорбный певец истерзанной Армении. Волнующая мелодия захватила, подчинила себе композитора Александра Спендиарова, поэтов Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Акопа Акопяна, художников Мартироса Сарьяна, Егише Татевосяна, их друзей и единомышленников. А песня, вырвавшаясь в раскрытое окно, летит к родным горам, к измученной многовековыми поселятельствами захватчиков милой земле. При создании полотна Налбандян использовал свой опыт, накопленный работой над многофигурной картиной, и над портретами, и над пейзажем... Это произведение исторически достоверно, выразительно, высоко духовно. Оно удостоено Золотой медали Академии художеств СССР и находится в Третьяковской галерее.

Дмитрий Аркадьевич любит приводить шутливое высказывание своего коллеги о том, как трудно писать тематическую картину. Начать ее писать — это вроде как поселить у себя в мастерской тигра: «выгнать не выгонишь, а подступиться и укротить — бог знает, как трудно».

...Мастеру — семьдесят восемь. Наверное, есть определенная закономерность в том, что жизнь дольше любит того, кто не устает восхищаться ее красками, ароматами. Она дарит тому человеку способность, оставаясь мудрым, постоянно ощущать новизну жизни, не застыть в уже найденных формах, а неукротимо рваться вперед, сдерживать победы над самим собой.

С Александром Павловичем Кибальниковым — выдающимся скульптором, автором памятников Ленину, Чернышевскому, Радищеву, Маяковскому — дружит Налбандян не один десяток лет. Цельная личность Кибальникова, поразительное сочетание земной, народной силы и высокого духа этого человека, его несгибаемости перед обстоятельствами времени и судьбы — все это всегда влекло Налбандяна. Он написал его портрет в 1956 году, запечатлев в групповом портрете «Заседание Президиума Академии художеств СССР» в 1979-м... Но это были лишь подступы к полотну, которое мы видим сегодня.

Можно говорить о высоком мастерстве живописца, о рельефной, выразительной и точной лепке образа, лишенного какой бы то ни было парадности, официальности (она абсолютно несвойственна Кибальникову). Можно говорить об удачной цветовой гамме и безошибочном выборе аксессуаров: привлекает внимание массивная старинная палка, на которой покоятся сильные руки ваятеля.

Но все это только первые впечатления. Большой мастер, да еще с таким неукротимым характером, как Кибальников, самый строгий судья собственного портрета. Я спросила у него, каково его мнение об этой работе коллеги и друга. Он подумал, потом промолвил:

«Меня писали многие, и я похож на себя бывал нередко, но сходство это было чисто внешнее, решение поверхностное. А ведь сходство должно идти из глубины портретируемого, от его человече-

ской сущности. Этого за несколько сеансов не постигнешь. Я сам, кажется, быстро работаю, а на самом деле долго-долго. Ведь надо войти в жизнь того человека, скиться с ним. Именно время дает нам свои персонажи, именно время помогает постигнуть суть жизни. Я не просто позировал Налбандяну, нас с ним объединило время наших отношений, изучение друг друга. И еще труд. Как бы художник ни был одарен, без труда он не художник. Мне нравится в Налбандяне его непримиримость, самодисциплина, сочетание мастерства с глубиной».

...Мне подумалось: а что если бы все герои портретов, написанных Налбандяном за добрые полвека, однажды пришли к нему в гости? Мастерской, несмотря на то, что она достаточно просторна, не хватило бы для них. Тут были бы столовар и чабан, мастер кузнечного цеха и ветеран труда, доярка и хирург, сборщица винограда и старый учитель, Максим Горький, Арам Хачатурян, Иван Козловский... Замечательные полководцы, партийные и государственные руководители нашей страны, выдающиеся деятели международного масштаба — Джавахарлал Неру, Индира Ганди, Пальмиро Тольятти, Луиджи Лонго, Анджела Дэвис... Счастлив художник, способный оставить людям такое многообразие лиц, характеров, судеб и миров, если принять за данность, что в каждом портрете Налбандяна присутствует неповторимый мир изображенного им человека.

В мастерской висит одна из очень дорогих художнику работ — «Комсомолка», созданная ровно полвека назад. На ней изображена очаровательная золотистоволосая девушка с нежным и озаренным лицом. На приглушенном цветовом фоне ее образ кажется особенно светлым, одухотворенным. Это Валентина Михайловна — жена художника, верный спутник долгих лет.

Говорят, что пока наши матери живы, мы остаемся детьми, сколько бы нам было лет. Мать Дмитрия Аркадьевича жива в картинах благодаря нежной любви и таланту своего сына. Он писал ее в разном возрасте, и каждый из этих портретов не только воскрешает дорогие черты, близкие лично ему, Налбандяну: мудрую ласковость взгляда, свет добродетели, разлитый по лицу, скрытую энергию натуженных рук, не привыкших к покоя... Вглядываясь в это лицо, начинаешь слышать голос своей памяти, она ведет тебя в прошлое, в детство, где отогревало тебя от боли и обид сердце твоей матери, светили тебе вот такие же глаза.

Налбандян — мастер многогранный, многоцветный. В своих станковых картинах и портретах он развивает классические традиции великих русских реалистов прошлого. И если колорит этих холстовдержан, а подчас суров, то в пейзаже и натюрморте живописец как бы дает волю своему воинственному юному, яркому, неукротимому темпераменту. Он любит работать на пленэре. Иногда, увлекшись, способен закончить пейзаж в один сеанс, а-ля прим.

Человек и природа для Налбандяна неделимы. И в этом высокий гуманистический смысл его пейзажей. Хочется смотреть и смотреть на полный неуловимой грусти мотив «После дождя в Звенигороде»: трава, отяжелевшая от влаги, низкие, набухшие облака... Чувствуется, что дождь этот был теплым, благодатно напоившим землю. Художник, кажется, знает все самые заветные места Подмосковья, родной Армении, Крыма и благодаря ему в нашей памяти тоже остаются «Деревня Лапино», чудные по прозрачности и нежному розовато-сиреневому колориту «Весенние воды», «Старая мельница» в Аштараке, истомленный зноем Бахчисарай в солнечный день, цель синих Кавказских гор и тихая задумчивость Николиной горы, окутанной туманом. Во всех этих полотнах основательность органично сочетается с поэтическим осмыслением природы, колористической смелостью, воображение — с умением опустить малозначительные подробности. Он наблюдает природу как реалист, но всегда в нем чувствуется влюбленный в нее романтик.

И, пожалуй, особенно это свойство выявилось в еще одной грани его таланта — натюрмортах. Благоуханный букет сирени словно наполняет своим ароматом мастерскую. Полевые ромашки будто только что принесены с луга. Розы, пионы, гвоздики — все это написано так выпукло и ярко, что мы ощущаем плоть каждого цветка. Как же надо любить всякую травинку, цветок, плод земли, чтобы превратить их в поэму о земной красоте, составляющей одну из основ не просто бытия, а счастья человека.

Налбандян немало путешествовал по свету, побывал в Греции, Италии, Франции, Индии, Голландии, Швеции, Японии и других странах. В 1978 году в Японии, а в следующем году во Франции, большие выставки его портретов и пейзажей прошли с огромным успехом. Да, своим искусством он действительно «берет в руки сердца людей» и за рубежом. Разрушает предвзятость навязанных взглядов на советское искусство, учит любить жизнь во всей ее полноте, беречь красоту. Он первый советский художник, которому знаменитая флорентийская галерея Уфици оказала высокую честь, предложив написать автопортрет.

В своих поездках Налбандян постоянно работает, создает новые полотна, и вот уже мы видим прекрасные пейзажи Италии и Греции, узкие улочки Токио, старинные храмы Индии. Мы, соотечественники мастера, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий, академика Дмитрия Аркадьевича Налбандяна, получаем от него в дар целый мир.

Целый мир...

Д. Налбандян. Род. 1906. ПОРТРЕТ А. КИБАЛЬНИКОВА. 1984.

Д. Налбандян. ЯПОНИЯ. НАТОРМОРТ. 1978.

В. РОДЮКОВ

В середине января 1945 года началось наступление войск 1-го Белорусского фронта с Пулавского плацдарма на Висле. Прорвав линию вражеской обороны, наша 95-я танковая бригада вместе с другими частями 9-го танкового корпуса подвинулась на несколько десятков километров в глубь обороны противника.

К исходу дня 15 января 1945 года наш взвод достиг одного из польских хуторов. А в ночь командир взвода старший лейтенант Лапшов отдал приказ: «Выступить в ночную разведку».

В составе взвода было три танка: № 246 — командир старший лейтенант Лапшов, механик-водитель старшина Сугоняев, командир орудия сержант Федоров, № 247 — командир лейтенант Дудин, механик-водитель старший сержант Родюков, командир орудия старший сержант Ермаков, № 248 — командир лейтенант Сапунов, механик-водитель сержант Крамаренко, командир орудия сержант Субботин.

В 23.30 взвод с десантниками на бортах и бронетранспортер с разведчиками и саперами выступили в ночную разведку. Первым двигался танк Лапшова, вторым — Дудина, третьим — Сапунова и замыкающим — бронетранспортер. Пройдя около двадцати километров, в одном из населенных пунктов на развилке дорог танк Лапшова остановился. Командир стал уточнять маршрут, а Саша Сугоняев и я направились в один из домов, где мерцал еле заметный огонек. Крадучись подобрались к двери, постучались. Оказалось, что это пекарня, в которой пекли хлеб для фашистских солдат. Об этом нам рассказали поляки, работавшие в пекарне. Узнав, что мы советские танкисты, они очень обрадовались! Они же нам сообщили, в каком направлении и сколько ушло фашистов. А на прощание вручили по буханке свежеиспеченного, душистого хлеба.

От деревни Сугоняев повел свой головной танк со скоростью около тридцати километров в час, а тьма кромешная. Перед моими глазами только мелькающая красная лампочка «стоп-сигнала» танка коменданта взвода да на крутых поворотах споны искр из выхлопных труб.

Преодолев в этой тьме еще километров двадцать, взвод ворвался на площадь большого населенного пункта, набитого автомобилами и другой техникой врага.

Взводный команда на открытие огня не подавал и был прав, так как ввязываться в бой не было смысла: ночь — наш единственный союзник, а впереди еще много трудных и опасных километров. Рано утром мы увидели огромное количество вражеской техники, которая находилась на дороге, на обочинах и в поле. И тут я заметил припорошенную снегом траншею. Еще секунда — и прямо передо мной показался фаустпатрон, а затем голова и плечи фашиста, целившегося в наш танк. Я рванул машину влево и вывел танк из-под прицельного выстрела. Остановил танк, высунувшись из люка, крикнул: «Фаустник!» — и показал, где тот прятался. Лапшов вместе с двумя десантниками спрыгнул на землю и побежал к траншее. Короткий допрос пленного — и снова вперед.

В «Огоньке» № 1 за 1961 год была опубликована корреспонденция Н. Мельничука «Кто знал Николая Лапшова?». В ней говорилось о том, что в одной из танковых частей есть стенд, посвященный Герою Советского Союза старшему лейтенанту Николаю Прохофьевичу Лапшову. На этом стенде — фотокопия его партийного билета, несколько фотографий и краткое описание подвига, который он совершил в январе 1945 года: танковый взвод под командованием Н. Лапшова предпринял необычайно дерзкий рейд по тылам противника, вызвал панику среди гитлеровцев и обеспечил проход по своим следам двух танковых бригад.

Из этого рейда Николай Лапшов вернулся живым, а в следующем бою погиб. Вот и все, что известно о герое-танкисте. А молодые воины хотят знать о нем больше. Поэтому и обратился автор корреспонденции в «Огоньке» к тем, кто знал Н. Лапшова, с просьбой рассказать о нем подробнее.

Прошло двадцать четыре года... Недавно редакция получила письмо от ветерана 95-й танковой бригады В. А. Родюкова, который не только хорошо знал Николая Лапшова, но даже участвовал вместе с ним в том героическом рейде.

9 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

Я ЗНАЛ НИКОЛАЯ ЛАПШОВА

Атакуют «тридцатьчетверки»...

Фото М. Савина

Вскоре взвод врезался в скопление фашистских машин, набитых солдатами и офицерами. Столкнувшись с дороги и подмяв несколько автомашин, я услышал команда Дудина: «Стой!». Он заметил, что в нас целился «фердинанд». Мы выстрелили первыми. От брони само-

ходки полетели искры: оказалось, наш снаряд был осколочным. Со второго выстрела бронебойным снарядом Ермаков поджег фашистский «фердинанд».

В плотном скоплении техники врага продвигаться было тяжело. Поэтому Дудин приказал мне

свернуть с дороги вправо, а танки Лапшова и Сапунова двинулись по левой стороне, метко поражая танки и самоходки противника, а пулеметами — его пехоту.

У моста через небольшую речушку — снова скопление фашистской техники и живой силы. В это время в небе появились наши штурмовики. Лапшов подал им сигнал — зеленую ракету, и шквал огня обрушился на врага. Путь был расчищен. Лапшов скомандовал: «За мной!» Взвод преодолел мост и тут же наткнулся на семь «фердинандов», прикрывающих переправу. Все три танка остановились и стали вести по ним огонь. Ермаков сделал несколько выстрелов по фашистам и подбил два «фердинанда».

Продолжая разведку, мы с боями все глубже уходили в расположение отступающих фашистских частей и не давали возможности оторваться противнику от преследования. Но вот перед нами несколько «пантер»: четыре танка мы подожгли, а остальные просто-напросто удрали.

И все же продвижение взвода становилось все медленнее: горючее было на исходе, да и на каждую пушку осталось по четырнадцать снарядов. Лапшов приказал снаряды больше не расходовать и всем занять выгодную позицию на случай атаки фашистов. А в шестнадцать ноль-ноль к нам подоспели танки 195-го батальона нашей бригады под командованием капитана Щербака. Вскоре подошли и все остальные танки бригады. К нам подъехал командир бригады подполковник Секунда и поблагодарил Лапшова за успешное выполнение боевой задачи. В тот же день танкисты бригады освободили город Опочно.

Командование высоко оценило наш девяностодевятикилометровый поход: старшему лейтенанту Лапшову, лейтенанту Сапунову и старшине Сугоняеву было присвоено звание Героя Советского Союза, остальные члены экипажей награждены орденами.

В последующих боях за Лодзь и Каплиц первым в нашем батальоне шел танк командира второй роты старшего лейтенанта Сугробова. И вдруг Сугробов доложил командиру батальона, который был в моем танке, что продвигаться больше не может, так как кончились снаряды. Доклад Сугробова по радио слышал весь батальон. Слышал его и старший лейтенант Лапшов. А батальон затоптался на месте. Тогда Н. Лапшов взял инициативу на себя: я видел, как его танк устремился вперед, за ним двинулся весь батальон. Но через несколько минут я услышал по радио тревожную весть: с танком Лапшова что-то случилось.

Мы остановились. А навстречу медленно шел танк № 246. Люк механика-водителя открыт, команда орудия сержант Федоров стоял в открытом люке заряжающим, а левее, в командирской башенке, повисло тело Лапшова. Шлем с головы коменданта взвода соскочил и раскачивался на проводе...

Так погиб Герой Советского Союза старший лейтенант Николай Прохофьевич Лапшов.

Похоронен он в местечке Здуньска-Воля, в братской могиле вместе с другими танкистами нашей Бобруйско-Берлинской ордена Ленина Краснознаменной бригады, погибшими за освобождение братского польского народа.

Обсуждение плана застройки и реконструкции города. Справа налево: первый секретарь Житомирского обкома партии В. М. Кавун, первый секретарь горкома партии Н. Н. Яковенко, председатель горсовета И. Ф. Коструба и главный архитектор города Н. И. Саминин.

ГОРОД ДРЕВНИЙ, ГОРОД

Площадь имени Ленина.

С. КАЛИНИЧЕВ,
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Корневые слова, составившие имя городу Житомиру, — «жито» и «мир». Хлеб и мир — вечные символы добра и созидания. За одиннадцать веков истории город Житомир, отцовщина одного из древлянских племен — житичей, пережил многое: и годы становления и времена смут и разорения. Его вытаптывали орды Батыя, дотла выжигали войска крымского хана, разоряли литовские князья и

польские магнаты. Но хлебопашцы и гончары, кузнецы и кожемяки, как скошенная трава, поднимались снова, возрождали дедовские ремесла.

Населению города приходилось противостоять не только физическому, но и духовному порабощению. Польская шляхта насаждала католицизм, основала в городе монастыри кармелитов и иезуитов, бернардинцев, сестер-жаблонщиц, строила костелы и свои семинарии. Много раз житомирцы поднимались на борьбу с иноземными и доморощенными кровопийцами. Они воевали в повстанческих отрядах Павлюка и Лободы, Северина Наливайко и Макси-

ЮНЫЙ

ма Кривоноса. Четыре полка с Житомирщины были в войске Богдана Хмельницкого...

Житомир в начале прошлого века стал значительным городом Волынской губернии. Он сыграл видную роль в Отечественной войне 1812 года, был одним из центров декабристского движения... Долгие годы Волынь оставалась беднейшей окраиной России.

На рубеже нашего века, когда полным ходом шло развитие капитализма, в городе было всего 763 рабочих, а самым крупным из предприятий был свечной завод. Накануне первой мировой войны Житомир оставался типичным местечком кустарей и мелких торговцев с такими фабриками, как фабрика деревянных саженных гвоздей и колодок, да еще табачная. Однако общественность города всегда жила передовыми идеями своего времени. Житомир — родина командующего вооруженными силами Парижской коммуны Ярослава Домбровского, великого русского писателя-демократа В. Г. Короленко, один из центров народнического движения, важный узел в транспортировке ленинской «Искры»...

С особой гордостью вспоминают житомирцы земляка, первого конструктора космических кораблей Сергея Павловича Королева.

В годы гражданской и Великой Отечественной войн Житомирщина стала местом многих сражений. От петлюровцев город освободила дивизия Николая Щорса. И по его инициативе здесь была организована знаменитая школа

В старинной водонапорной башне будет кафе.

Бульвар имени 50-летия Октября.

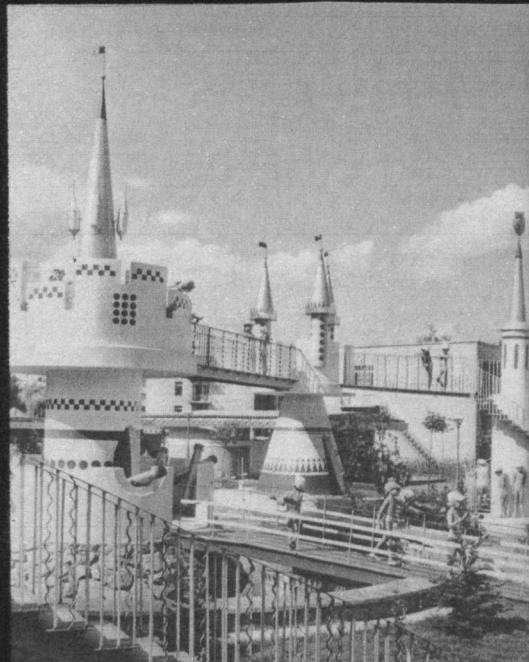
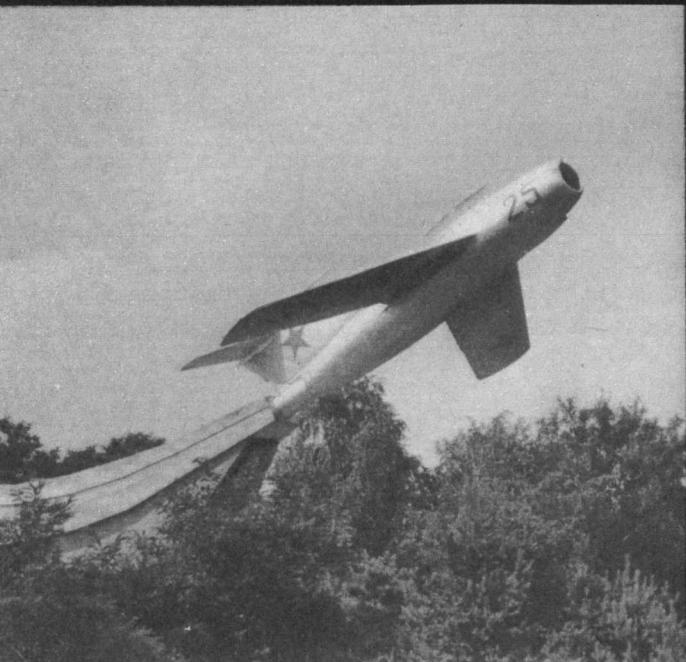

Лариса Солнцева — лучшая электромонтажница и комсорг смены на заводе «Промавтоматика».

...В честь 2-й воздушной армии.

Детский сад «Петушок».

красных командиров. А через несколько месяцев, сокрушая войска Пilsudского, Первая Конная армия, знаменитая Чапаевская дивизия и другие части Красной Армии осуществили житомирский прорыв. Правофланговым одного из конных эскадронов несся в бой Николай Островский!..

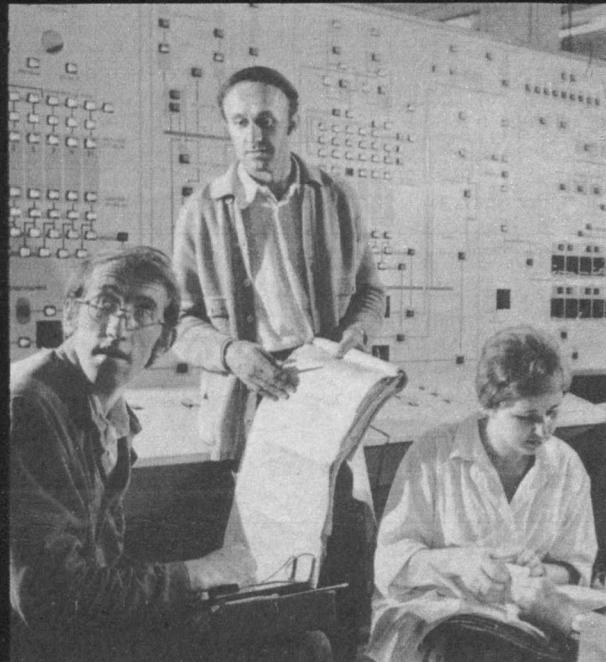
В годы Великой Отечественной войны в оккупированном фашистами городе действовало около двадцати подпольных групп. Городской и областной комитеты партии возглавляли Герои Советского Союза Г. И. Шелушков и А. Д. Бородий. Лютивали фашисты: только в городе они уничтожили около семидесяти тысяч военнопленных и сорок шесть тысяч мирных жителей. Ужас этих цифр можно понять, если учесть, что даже через год после освобождения города в нем проживали всего 53 тысячи человек...

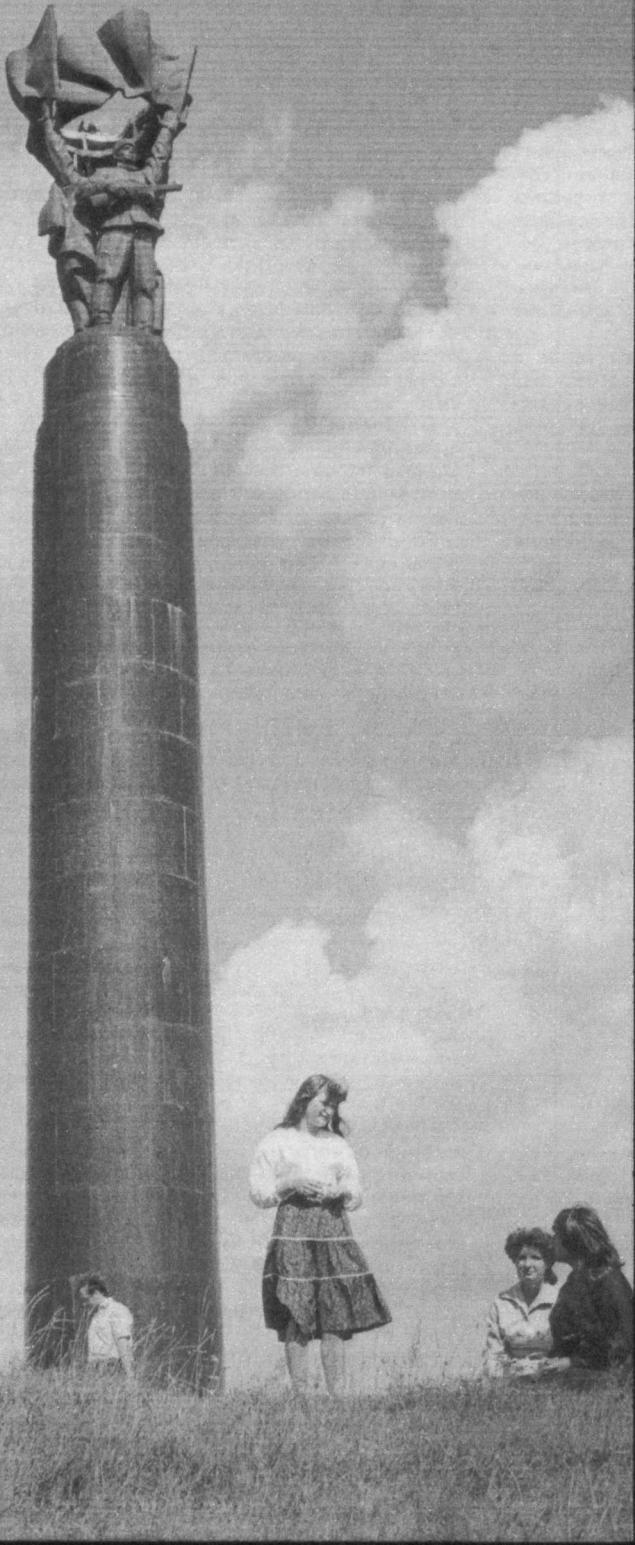
Полесские земли, пожалуй, самые бедные на Украине: пески да болота. Выращивают тут главным образом лен, хмель, картошку. Но, конечно, главное богатство украинского Полесья — люди! Вскоре после войны Житомирщина оделась в леса новостроек. В городе были сооружены льнокомбинат, заводы «Электроизмеритель», «Промавтоматика», бумажная фабрика, мощнейший в республике завод станков-автоматов, крупное объединение по производству мебели «Житомирдрев», база стройиндустрии. В шесть раз по сравнению с послевоенным увеличилось население города!

Потомки кожемяк и гречкосеев отличаются справляются с выпуском оборудования, химической аппаратуры, точнейших станков-автоматов. Здесь выросли многие известные мастера, например, ткачи Герой Социалистического Труда Галина Гавриловна Бедарева и лауреат Государственной премии СССР Вера Васильевна Коломиец. С начала нынешней пятилетки они выполнили уже по двенадцать годовых норм.

...Растет Житомир! Он вступает в свое двенадцатое столетие, распахнув солнечные кварталы новостроек.

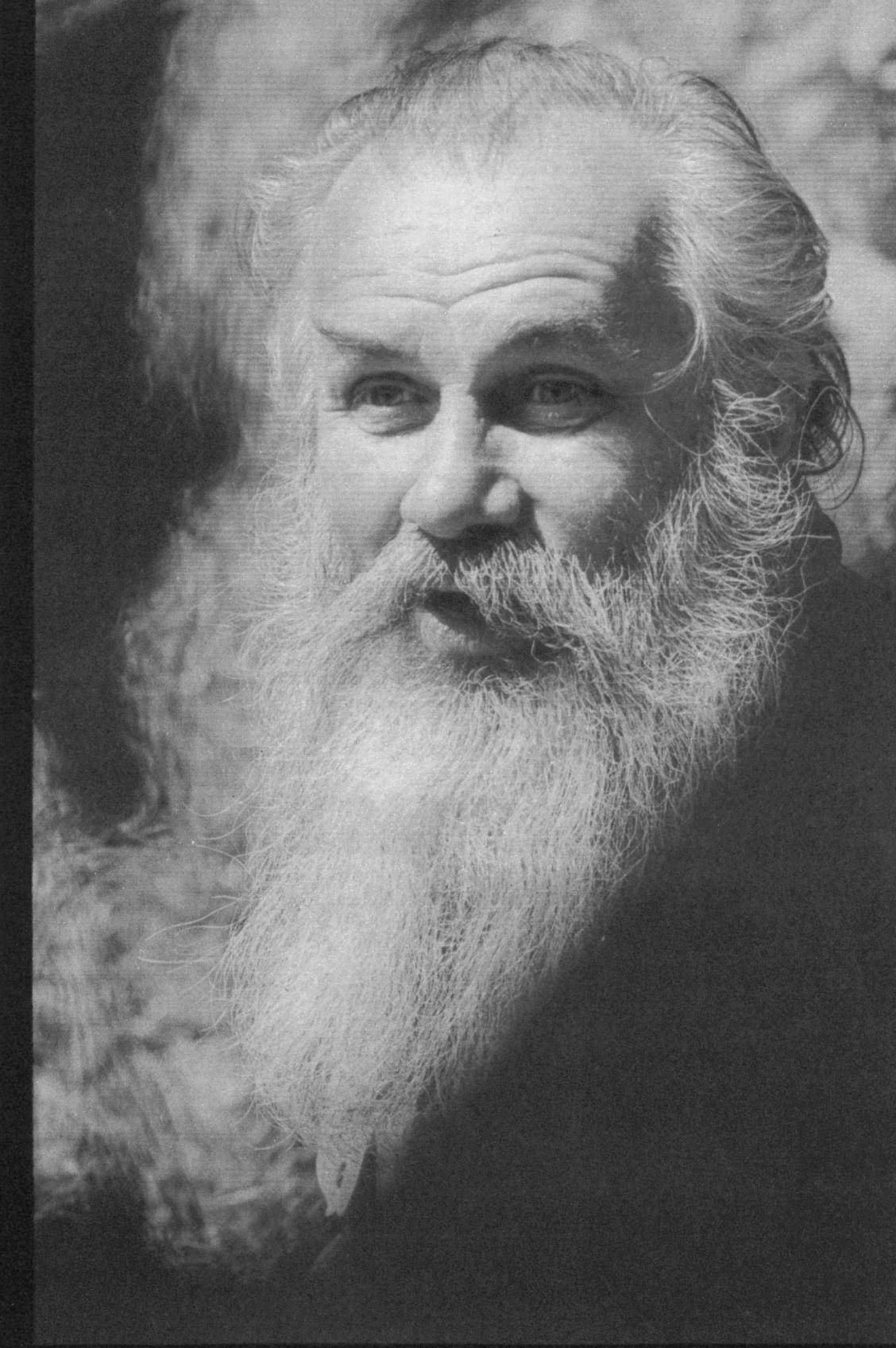
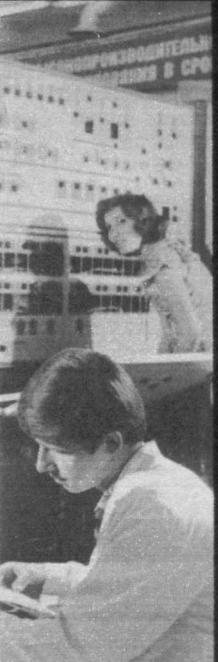
На заводе «Промавтоматика» идет настройка системы автоматического управления высокопроизводительного мельничного оборудования.

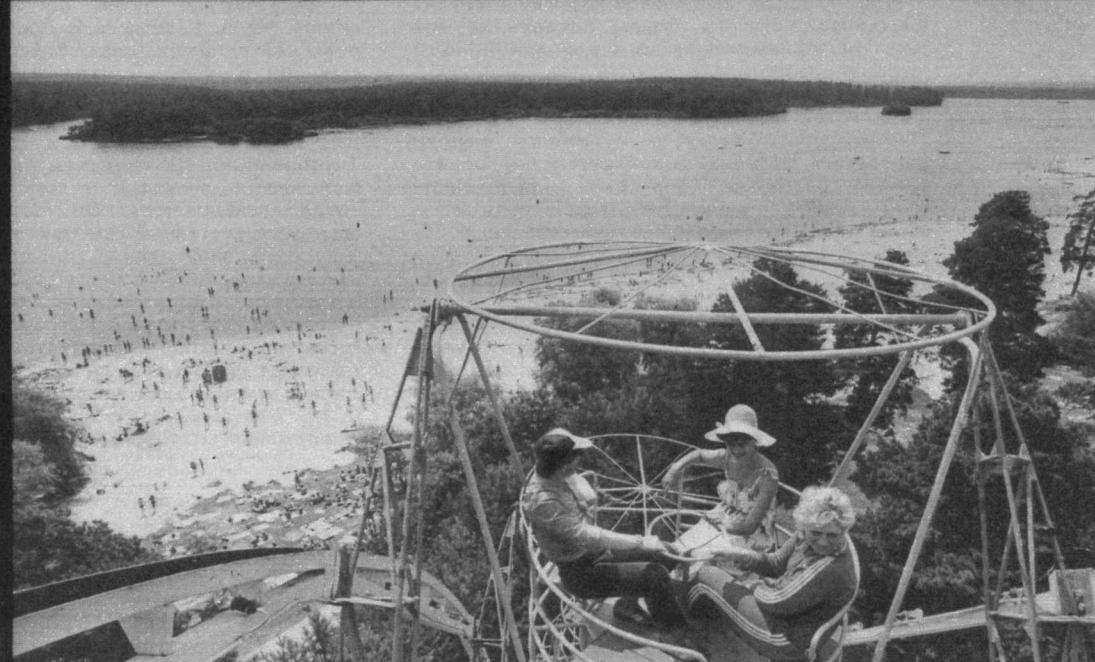
Мемориал Вечной Славы.

«Почему запрещено!»

Ветеран войны и труда бывший летчик Константин Антонович Крайко.

Вид на реку Тетерев.

В. ТИХОМИРОВА,
заведующая литературным отделом
Ростовского областного
музея краеведения

Книги, книги... В переплетах и суперобложках, то многоцветных и броских, то скромно нейрких, увесистые, тяжелые тома, изданные на ослепительно сверкающей белизной мелованной бумаге, и тоненькие, невесомые издания, что выглядят почти по-газетному. Одни новенькие, другие пожелтели, пожухли от времени...

Их здесь более четырехсот, но все они принадлежат перу одного автора — Михаила Шолохова.

Отдельно, в аккуратных папках, тщательно пронумерованные, хранятся письма, переводы, газетные статьи, фотографии, различного рода ценнейшие документы, связанные с именем великого писателя.

Около трех тысяч единиц хранения насчитывает сегодня Шолоховский фонд Ростовского областного музея краеведения. И трудно передать охватывающее тебя глубокое,

Шолоховский район). Эти столик, стулья, скатерти, керосиновая лампа, столы характерные для русской деревни 30-х годов, уже несколько раз экспонировались на музейных выставках.

Вот небольшая тоненькая книжка размером 10 × 13,2 сантиметра без обложки. Вверху на первом листе, ее заменяющем, чисто газетная рубрика: «Из фронтовой жизни»; ниже — «Михаил Шолохов «Наука ненависти». Ростовское областное книгоиздательство. 1943». Печаталась эта книжка в типографии газеты «Молот» и вышла сразу же после освобождения Ростова от фашистских захватчиков. Да, тогда все — и стар и млад — учились жестокой науке ненависти, которая помогала победить врага.

А сколько души и человеческого тепла в небольшой записке Шолохова ростовскому писателю Михаилу Штительману, приславшему ему свою книгу «Повесть о детстве» в 1938 году.

«т. Штительман!

Примите 1000 моих извинений. Только недавно прочитал. Книга теплая, и я не раскаиваюсь, что чтение отложил на осень. Когда холодно, теплое согревает.

Привет!
23.XI.—38 г.».

М. Шолохов.

шолоховские произведения в той или иной стране и какой отклик нашли они у зарубежных читателей...

Так в музее появились отзывы о творчестве М. А. Шолохова лидеров коммунистических партий товарищей П. Тольятти, Д. Голлана, В. Ульбрихта, И. Тито, Д. Ибаррури, уникальные автографы и письма всемирно известного писателя, первые издания «Тихого Дона» с письмами первых переводчиков эпопеи О. Гальперн (Германия), С. Кампо (Франция), Д. Белина (Швеция), Ш. Бенами (Венгрия), А. Задерман (Аргентина), Г. Стивенса (Англия), Н. Бавастро (Италия).

Трудно переоценить большой научный интерес, который представляют книги и письма о творчестве М. А. Шолохова, полученные от Эртона Синклера, Поля Робсона, Чарльза Сноу, Джека Линдсея и многих, многих других.

О Шолоховском фонде в Ростовском музее краеведения не раз писалось в нашей прессе. Однако трудно не возвращаться еще и еще к этим волнующим материалам, книгам, судьбы которых бывают столь незаурядны.

За рубежом впервые роман «Тихий Дон» появился в Германии, в коммунистическом издательстве «Литератур унд политик» в 1929 году. Вот, можно сказать, необычайная

ПЛАНЕТА ЧИТАЕТ ШОЛОХОВА

трепетное чувство, когда берешь в руки первые издания шолоховских книг, тех, что выпускались в далекие 30—40-е годы. И непередаваемо волнение при виде подлинных автографов одного из крупнейших писателей современности, этого аккуратного и одновременно такого характерного почерка с росписью — М. Шолохов.

Вот скромно изданный роман «Поднятая целина». На обложке — портрет совсем молодого Михаила Александровича. Никаких иллюстраций. Книга вышла в 1935 году в Азбериздате, в Ростове-на-Дону. Есть в музее и редчайший экземпляр «Роман-газеты» № 6 за 1938 год с IV книгой «Тихого Дона».

Бережно храним мы один из первых четырехтомников «Тихого Дона», изданный в нашем городе в 1939—1940 годах. Пожелтели страницы, и нейркий, сероватый переплет слегка потускнел от времени. А на титульном листе — дорогие сердцу строки уже знакомого почерка: «Библиотеке Ростовского музея краеведения»... Это дарственная надпись М. А. Шолохова.

Есть и более поздние издания «Донских рассказов», «Тихого Дона», подаренные музею писателем. Но книги довоенной поры особенно дороги.

Как и фотография обложки романа «Поднятая целина», принадлежащего Андрею Плоткину, чей характер в немалой степени запечатлев Шолохов в собирательном образе Семена Давыдова: «Дорогому Андрею Плоткину, одному из многих двадцатипятидесятиков, делавших колхозную революцию в Вешенском районе, на дружбу».

М. Шолохов.

20.III.—33 г.».

Не так давно научные сотрудники отдела истории советского общества нашего музея, вернувшись из очередной экспедиции, привезли подлинные вещи Андрея Ароновича Плоткина, первого председателя колхоза имени С. М. Буденного (Вешенский, ныне

Писатель погиб на фронте. А записка, бережно хранившаяся в семье долгие годы, теперь передана в музей вдовой Михаила Штительмана Евгенией Борисовной.

Таких реликвий, хранящихся в музее, можно привести немало. Фонд начал формироваться с приходом в музей К. И. Прийма, которого в Ростове в 60-е годы знали как ищащего, беспокойного, талантливого журналиста.

Вот передо мной интересный документ: «Акт от 15.XI.1966 г.

С января 1963 года по личной инициативе журналист-шолоховед К. И. Прийма начал зарубежную переписку для сбора материалов к литературно-юбилейной выставке в честь 60-летия Шолохова.

Позже все материалы переданы на вечное хранение Ростовскому областному музею краеведения. Приказом дирекции от 25 мая 1965 г. № 69 на основе заграничных документов и материалов литературной выставки в музее создан Шолоховский фонд.

19 мая 1965 года, в канун 60-летия великого писателя, в музее открылась выставка «Книги М. А. Шолохова в борьбе с мировой реакцией и фашизмом». Здесь были представлены уникальные издания, материалы зарубежной прессы, рецензии, фотодокументы, письма, автографы, переводы статей и писем на русский язык...

Собранный Шолоховский фонд в большей мере явился результатом огромного труда исследователя. Он написал политическим и общественным деятелям разных стран, известным зарубежным писателям, филологам-шолоховедам, издателям, переводчикам шолоховских произведений, редакторам целого ряда газет и ректорам многих университетов, директорам многих крупнейших библиотек мира множество писем с просьбой выслать взамен послываемых им советских книг М. А. Шолохова зарубежные его издания, информацию о том, когда и как издавались

история одного из томов этого издания, принесенного в Ростов немецким антифашистом Эрвином Вайсом.

На обложке книги, уже ветхой, не раз реставрированной, по-немецки написано: «Дорогие товарищи! Я дарю эту книгу шолоховской выставке музея краеведения Ростова-на-Дону. Книгу спас мой отец, замуровав ее в стену от фашистов. Победа Красной Армии освободила моего брата из Бранденбургской тюрьмы и возвратила к жизни эту книгу. Дружба!

Берлин 13.3.1967 г. Эрвин Вайс».

Хранится в музее и более подробное письмо Вайса. Оба тома Эрвин достал из отцовского тайника в апреле 1945 года. Его отец не дожил до светлого дня свободы. Заканчивается письмо так: «Надеюсь, что посыпаемый вам «Тихий Дон» 1929 года издания и это письмо скажут вам о том, как мы любим Россию и великого гуманиста — писателя Шолохова».

В 1942 году в Венгрии после издания романа «Тихий Дон» было возбуждено судебное дело против издателя Имре Черепальфи. В музее хранятся не только архивные документы, касающиеся этой удивительной истории, письма, фотокопии статей венгерской прессы того периода, но и само издание — очень хорошее, в черном коленкоровом переплете. Издание подарено Ростову-на-Дону ЦК Венгерской социалистической рабочей партии.

В четырех папках едва уместились документы, письма, фотографии, фотокопии из Югославии, связанные с именем М. А. Шолохова.

Вот фотокопия письма президента республики Иосипа Броз Тито, датированного 11 марта 1963 года:

«...Идя навстречу Вашему пожеланию, с удовлетворением направляю Вам для нужд музея в г. Ростове несколько новых изданий известных произведений Михаила Шолохова «Тихий

«Дон» и «Поднятая целина» на сербскохорватском и словенском языке.

Хотя время не позволяет мне подробнее ответить на Ваши вопросы, хотел бы подчеркнуть, что большие достижения Михаила Шолохова в литературном творчестве очень хорошо известны и ценятся в нашей стране...

Книги с автографами Тито — тоже в Шолоховском фонде.

А вот трогательный новогодний подарок Михаилу Шолохову югославской журналистки Любомире Ружич из Загреба — небольшой пейзаж. Тут же ее письма на русском языке. В одном из них она просит передать ее самые искренние и самые лучшие пожелания к Новому году товарищу Михаилу Шолохову...

Любомира Ружич сумела разыскать роман «Поднятая целина», изданный в 1940 году в Югославии, и переслала его в Шолоховский фонд Ростовского музея.

Ее поздравление было передано Михаилу Александровичу. А в ответ она получила от писателя в подарок его роман «Тихий Дон» с автографом:

«Любомире Ружич
С благодарностью
М. Шолохов.
23.6.66».

Большой интерес представляют материалы о популярности Шолохова в Швеции, где ему была вручена Нобелевская премия. Тут фотокопии Нобелевского диплома, суперобложки романа «Тихий Дон», вышедшего в Стокгольме в 1930 году, многочисленные вырезки из шведских газет о пребывании советского писателя в Стокгольме в декабре 1965 года, переводы ряда статей, опубликованных в Швеции в разные годы, и письма, письма, фотографии...

В 1957 году в Швеции вышло 12-е издание «Тихого Дона» (Стокгольм, издательство «Тиден») с предисловием М. Шолохова «К моим шведским читателям». У нас хранится фотокопия этого предисловия.

Очень большой популярностью пользуется имя М. А. Шолохова в Японии. Помимо книг, изданных в Стране восходящего солнца, многочисленных документов, писем, фотографий, хранятся в музее и театральные программы, афиши, другие интересные экспонаты, рассказывающие о постановке в японском театре «Мингэй» спектакля «Поднятая целина».

А в январе прошлого года мы неожиданно получили бандероль. В пакет были вложены две книги на японском языке и письмо, которое все объясняло. Отправитель этого неожиданного подарка — Мичико Оно, переводчица и педагог, профессор русского языка и литературы в университете Кобе. Мичико Оно переслала в дар Ростовскому музею «Донские рассказы» Михаила Шолохова и японский школьный учебник для 8-го класса, в котором помещен рассказ писателя «Жеребенок». Издание красочно оформлено и снабжено примечаниями переводчицы о жизни и творчестве М. Шолохова.

Только что интересные экспонаты передал нам заместитель начальника Юго-Западного отделения ВААП В. И. Белохонов — это авторские экземпляры произведений М. А. Шолохова, опубликованных за рубежом. В музей поступили превосходные издания «Тихого Дона» — венгерское в четырех томах («Европа» — «Карпаты», 1982) и исландское (Рейкьявик, 1983, 1-я и 2-я книги), небольшая, оригинально изданная в Варшаве в 1983 году книжка с рассказом «Судьба человека».

Совсем недавно в Ростовском музее краеведения закрылась выставка «Донская литературная рота», которая была посвящена М. А. Шолохову и писателям-rostovчанам. На ней были представлены многие экспонаты из нашего «золотого фонда».

Однако работники литературного отдела музея, книголюбы нашего города мечтают о том времени, когда в Ростове-на-Дону откроется Литературный музей имени М. А. Шолохова. Решение об этом уже вынес Ростовский облисполком.

Нужна постоянно действующая шолоховская экспозиция, значение которой для ростовчан, для гостей нашего миллионного прекрасного южного города переоценить трудно.

Бердыназар ХУДАЙНАЗАРОВ

Прелест юности
морщинами сменив,
Пролагая путь по росам,
до стерни,
Как проточная вода,
текут сквозь годы
Ночи лунные
И солнечные дни.

Но рассвет опять надеждою манит,
Лишь к листву ладони
с лаской прятаны...
То в метели превращаются,
то в весны
Ночи лунные
И солнечные дни.

Жизнь, в лицо рассветным
ветром мне пахни,
Для меня богатство это сохрани:
Ведь они еще полны трудов
и планов —
Ночи лунные.
И солнечные дни.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ И КЛЯТВА

Вещи дешевой не сыщешь
хорошей цены,
Трепет души — красоты
неизменной наперсник.
Клятвы отцов,
Матерей колыбельные песни
Болью сердец и отчаяньем
их рождены.

В долгие ночи, над лицом
милым склонясь,
Гладя младенца, лаская его
в колыбели,
Плача от счастья, святою
любовью лучась,
Матери наши
Те песни слагали и пели.

Нежностью матери тихая
песнь рождена.
Гордость и честь рождены
по отцовским заветам.
Пусть эти силы
Живут в нас во все времена —
Ведь человек познается
в слиянии этом!

Я цену целительной выси
прохладной
Лишь в душной долине постиг.
И цену подруге моей ненаглядной
Раскрыл расставания миг.

Узнал я и жаркие
летние полдни
И радость весны голубой.
И отчий очаг, где бы ни был,
я помнил,
Он был всюду рядом со мной.

Короткие дни, незабытые числа
Тем ближе, чем дальше года.
Я всех матерей понимать научился,
Свою потеряв навсегда.

Встречаясь со спесью
и с чванством убогим,
Я стал простоту узнавать.
И был я готов, проплутав
без дороги,
Людские следы целовать.

Прошел я немало дорогами века,
А путь меня дальше все звал...
Наверное, так человек человека,
И мир,
И себя познавал.

Перевел с туркменского
Сергей ГОЛУБЕВ.

О БЛАГОДАРНОСТИ
М. ШОЛОХОВУ

Я жил с людьми.
Я шел к ним каждый день —
То с просьбою,
А то ища совета.
Когда б я не зависел от людей,
То не познал бы цену
жизни этой.

Спасибо, люди!
Я вам сердцем верю,
Благословив связующую нить.
Вы мне нужны,
чтобы радость разделить,
Всего нужней —
чтобы облегчить потерю.

Руке навстречу
руку протянуть,
Пожать ее —
что может быть дороже?
Вы мне нужны, когда пускаюсь
в путь,
Всего нужней —
когда сбываюсь с дороги.

Уменье в человеке уважать
Достоинство —
вот главное, поверьте...
Вы мне нужны, чтобы
в жизни поддержать,
Всего нужнее —
на пороге смерти.

ОСЕНЬ

Умолкло все...
Лишь тишина
Меж тополями белыми.
Лишь тень моя видна — одна
Меж тополями белыми.

И, снова душу бередя,
Тропу листами прелыми
Усыпал ветер, проходя
Меж тополями белыми.

Спит воздух...
Листья не шуршат.
Ни птиц, ни звука белого...
Лишь слепо мечется душа
Меж тополями белыми.

На старую тропу смотрю
Глазами оробелыми.
Как будто жду кого...
Курю
Меж тополями белыми.

Не навечно нам подарены они —
Ночи лунные и солнечные дни.
Не насытившись, по крохам собирая
Ночи лунные
И солнечные дни.

То светла душа бывает,
вам сродни,
То веселье убывает, как родник...
Не влюбленный я, чтоб таять
в вашем свете,
Ночи лунные
И солнечные дни.

9 СЕНТЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ СОРОК ЛЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

БОЛГАРИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Новелла ИВАНОВА,
фото Александра НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огнища»

По данным ООН, Болгария, которая находится на 60-м месте по численности населения, на 101-м — по территории, занимает 19-е место среди 29 стран, на долю которых приходится 99 процентов мирового экспорта машин. Из страны аграрной, экспортавшей прежде разве лишь один табак, народная Болгария превратилась в государство, поднявшееся на самый высокий гребень волны научно-технического прогресса. В результате здесь стало возможным создание роботов, роботизированных систем, систем с применением лазерных устройств. И сегодня «Балканкар» поставляет свою продукцию в 67 стран, первое место среди которых занимает СССР.

В Варне, на судостроительном заводе имени Георгия Димитрова, мы увидели корабли, которые строятся по заказу Англии, Западной Германии, Голландии, Греции и нашей страны. Болгария сегодня выпускает многоцелевые суда водомещением в пять тысяч тонн, контейнеровозы, рассчитанные на 400 (!) контейнеров, танкеры для перевозки нефти и газа.

В Добрудже — это далеко на севере от Софии — мы познакомились с земледельцами, которые собирают ежегодно с каждого гектара по 70—80 центнеров зерна. Это звучит почти фантастически, когда узнаешь, что сорок лет назад на этой же богатой черноземом земле крестьяне, работая от заря до зари, собирали не больше... девятнадцати центнеров. И вот теперь, когда поездка уже позади, мы хотим рассказать читателям о четырех встречах, которые помогли нам понять самое главное — КАК СТАЛО ВСЕ ЭТО ВОЗМОЖНЫМ?

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Вере Начевой исполнилось восемьдесят? Невероятно! Перед нами энергичная женщина — элегантный костюм, аккуратная прическа, туфли на каблучках. Мы выражаем свое восхищение. Она улыбается: «В тридцатые годы и позже, в подполье, у меня была кличка «Госпожа». И знаете, умение носить платье и шляпку не раз спасало меня от жандармов и шпионов!» Она работала в подпольном Центральном софийском райкоме партии и в женской комиссии при ЦК Болгарской рабочей партии — вела агитационную работу среди женщин, живущих в бедных кварталах Софии...

Когда из-за бомбардировок города оказалась без надежных конспиративных квартир, пришлось перейти в подполье. Вера жила по фальшивому паспорту в чужой семье. Однажды за обедом глава семьи сообщил новость: «Наконец-то закончился судебный процесс над группой бунтовщиков против власти. 23 человека приговорены к смертной казни, и среди них одна женщина, которую повсюду ищут». Вера Начева знала: ищут ее. Она ушла в горы, скрывалась в хижинах пастухов, пряталась на кукурузном поле. «Одна была радость — маленький радиоприемник, иногда мне удавалось услышать Москву. Тогда сердце билось ровнее и вспоминалось, как, бывало, мой Начо слушал со слезами на глазах первомайские репортажи с Красной площади».

Начо Иванов, ее муж, ее единственная любовь! Десять лет они были женаты, а вместе и трех лет не пришлось прожить. Член ЦК БРП, Начо Иванов руководил нелегальными «независимыми» рабочими профсоюзами. В сорок втором его бросили в концлагерь. Спустя

два года он бежал и чудом отыскал свою Веру в лесу, на горе Люлин, неподалеку от Софии. Партия поручила Иванову отправиться в Югославию, где уже были сформированы 1-я и 2-я Софийские народно-освободительные бригады. Так Начо и Вера стали партизанами 2-й Софийской бригады. В апреле 1944 года их бригада отправилась через горы на родину, чтобы соединиться с партизанским отрядом имени Чавдаря, где Тодор Живков, которого Вера знала еще до войны по подпольной работе в Софии, был представителем Софийского окружного комитета БРП.

Это была очень дождливая весна, — вспоминает она. — Ночью, в непросыпающейся одежде мы проходили по двадцать километров. Во время одного из рейдов нас обнаружили. В канун праздника славянской письменности, 23 мая, мы попали в окружение и приняли бой, в котором погибли многие славные революционеры. Едва на миг стихли выстрелы, я услышала голос Начо: «Ты жива?» «А ты жив?» И снова грохот, стрельба. Мы потеряли друг друга из вида. Когда сражение кончилось, мне показалось, что уцелела я одна. Как быть дальше? В руках осталась граната, а в пистолете — одна-единственная пуля. Для себя? Нет, для врага!

Из окружения их вышло совсем мало. Шесть дней без еды — пили только отвар из трав — искали они партизан и наконец соединились с чавдаровцами.

— О судьбе Начо я ничего не знала. Жив ли? Я верила — жив! Два месяца была в этом отряде, а потом назначили политкомиссаром в 2-ю Среднегорскую бригаду имени Васила Левского.

— А когда вы впервые встретились с советскими людьми?

— 9 сентября в результате восстания по всей стране была установлена народно-демократическая власть. Одариваемые крестьянами словно на свадьбах — едой и подарками, бойцы нашей бригады спустились с гор и вошли в Пловдив. Здесь и произошла эта памятная встреча. Ко мне подошел молодой советский солдат с букетом алых маков и сказал: «Это вам! Мне кажется, некому подарить цветы вам!» Я едва слезы сдержала: «Да, вправду некому...» Я потеряла мать, отца, мужа и ничего не знала о судьбе моих братьев и сестер.

...Вера Начева выросла в семье учителя Цено Тодорова из города Фердинанда — ныне Михайлова. Этот край был краем борцов и народных заступников, который стал в 1923 году центром первого в мире антифашистского восстания. Вместе с другими его готовил отец Веры, которая в детские годы видела в своем доме Георгия Димитрова. Вся семья этого учителя — жена, три дочери и трое сыновей стали революционерами. Двух дочек и младшего сына приговорили к смертной казни, которой они избежали чудом, а самому учителю вместе со старшим сыном после подавления восстания пришлось надолго покинуть родину. Вера стала по примеру отца учительницей. Но даже из сельских школ ее выгоняли с волчьим билетом: «На работу в школе не брать. Закоренелая коммунистка».

После освобождения страны Вера Начева руководила женотделом Софийского окруж-

ного комитета партии. Участвовала в создании Комитета болгарских женщин.

— В то время я часто встречалась с Георгием Димитровым. Запомнились его слова о том, что женщины по природе своей — отличные агитаторы за рождение нового общества. Он говорил, что дитя рождается в муках, но нет такой женщины, которая из-за этих муks отказалась бы от материнства. А разве может родиться новое, более совершенное общество без муks и боли?

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Финал нашей встречи с Александром Рангеловым, старым шахтером и самым первым в Болгарии Героем Социалистического Труда, оказался неожиданным для водителя такси, который привез нас из Софии в Перник. Молодой парень по дороге недовольно бурчал по поводу того, что ему пришлось по жаре ехать в такую даль — почти за сорок километров! А уходил он из этого гостеприимного дома сияющий, твердо решив сменить профессию на шахтерскую.

— Вот спасибо вам, что привезли к такому человеку! Только бы на шахту меня взяли...

— Возьмут, сынок, я за тебя похлопочу, — успокаивал его «бай Сандо» — так в Пернике все уважительно называют семидесятипятилетнего шахтера Рангелова. — Теперь не старые времена. Раньше-то как брали на шахту? Дадут парню силомер и глядят, сколько выжмет. Я когда пришел наниматься на шахту из деревни — оробел. Парень передо мной уж какой здоровяк был, а не взяли... Ну, думаю, меня-то, худого да мелкого, и вовсе не возьмут. И такая злость меня разбрала, я ее всю до капли в тот проклятый силомер всадил. Комиссия глазам не поверила, велела повторить. И что же? Повторил! «Ну,— сказали,— таким упорным на шахте самое место!»

— Отчего вы, бай Сандо, подались из деревни в город?

Он глянул на нас с веселым прищуром.

— Молодой был, надоело таскать домотканые порты, захотелось в городском костюме походить! А пуще того, досыта наесться хотелось. Ведь как жилось тогда в деревне — за год мяса не больше трех раз попробуешь...

Тридцать лет проработал бай Сандо на шахте. Здесь пришла к нему слава героя. Его, человека мудрого, работящего, слава не оглушила, а научила еще строже к себе отно-

Мы живем в Софии!

На развороте вкладки: Корабль из Варны Стоян Петров * Софийский народный Дворец культуры * Дважды Герой Социалистического Труда НРБ Александр Рангелов с внучкой Марией.

687 236567891012345

ситься. Потому он не ушел на заслуженный покой, когда срок вышел, а взялся за новое дело — стал бригадиром на домостроительном комбинате в соседнем городке. Как и в прежние годы, он встает спозаранку и едет на работу за двадцать километров от дома, хотя мог бы целыми днями сидеть да на солнышке щуриться.

— Э, нет, друзья мои, такое не по моему характеру — моя бригада всегда среди передовых!

— А не устаете? Все-таки каждый день километры в пути...

— Годы на плечах своих чувствую — это правда! А все-таки работа всегда радует и сил прибавляет, особенно теперь, когда недавно мне во второй раз героя дали! Кто нас, шахтеров, после 1944 года учил по-новому работать? Советские горняки. А теперь наш черед пришел передавать свой опыт тем, кто в нем нуждается. У меня в бригаде сейчас ребята из Вьетнама работают, неплохой народ, я вам скажу, толковый, сообразительный.

Мы спросили знатного шахтера, как встретил он 9 сентября сорок четвертого года?

— Мать родила меня первого мая, а во второй раз я считаю, что родился как раз 9 сентября! Ну, подумайте сами, кем был бы я сейчас, если бы не революция?

Он помнит тот день, как сегодня. 8 сентября утром радио сообщило, что Красная Армия перешла болгарскую границу, а назавтра в Пернике установилась народная власть. До того времени шахтеры по призыву Отечественного фронта, созданного в 1942 году, проводили забастовку, чтобы оставить без угля немецкие эшелоны. А тут из Софии пришел призыв: «Шахтеры! Все на работу! Дадим больше угля для Красной Армии!»

— В те дни все шахтеры работали по-геройски, потому что люди поняли: новая власть, народная власть — это мы сами!

...На буфете стоит фотография. Семья Рангеловых в 1951 году, когда шахтер из Перника стал лауреатом Димитровской премии и первым в стране Героем Социалистического Труда: три дочки и трое сыновей. Почти все Рангеловы отцовскую шахтерскую профессию избрали, да и живут они под одной крышей в новом доме, который сообща построили совсем недавно. Вере, самой старшей из детей, было семнадцать, и больше всего запомнилось, как они, ребятишки, ликовали, когда к ним в дом пришел с поздравлениями настоящий оркестр. А бай Сандо вспоминает, как в тот год он в составе делегации болгарских ударников впервые приехал в СССР и встретил свой день рождения 1 мая на Красной площади!

— А потом нас в Кремль пригласили, и то-вариц Сталин всем на прощание подарил часы. Во Внукове, помню, нас снимали фотопроторты, и меня попросили сказать речь. По правде говоря, я не оратор, и потому речь получилась совсем маленькая. «Братушки — так называют у нас в Болгарии людей из вашей страны», — сказал я, — потому что мы кровью с вами дважды побратались: когда вы избавили нас от османского ига, а потом от фашистской неволи. Народ мой, знаю, на веки вечные всегда будет с вами!» А если бы теперь поехал в Москву — точь-в-точь повторил бы эти слова, потому что в них правда великая!

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

Добруджа — хлебный край. Мы ехали из Варны в Толбухин, столицу этого края, и вокруг простирались желтые пшеничные про-

сторы. Мы ехали в гости к землемельцу из АПК «Добруджа» Ивану Христову, про бригаду которого мы слышали, что она брала по 80 центнеров пшеницы с гектара!

...Меньше чем полтора десятка лет тому назад болгары задумали и осуществили на своей земле смелый эксперимент, который начинялся именно на этих полях. Вместо госхозов и кооперативов стали создаваться АПК — крупные аграрно-промышленные комплексы, которые специализируются на производстве мяса, зерна, фруктов, овощей. Таких комплексов уже около трехсот. Объем сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1960 годом увеличился более чем на 70 процентов, производительность труда — в четыре раза, и болгарское сельское хозяйство занимает ныне одно из ведущих мест в мире. Пять лет назад вместо министерства сельского хозяйства был создан Национальный аграрно-промышленный союз, который представляет собой добровольный экономический союз хозяйственных, научных, купочных, снабженческих и торговых организаций в сельском хозяйстве, перерабатывающей промышленности и сельскохозяйственном машиностроении. Это качественно новая форма управления на основе хозрасчета и полной самоокупаемости, с выборными руководящими органами на всех уровнях.

Первая неожиданность — Герой Социалистического Труда Иван Христов уже не бригадир. Этот энергичный сорокалетний человек, агроном по профессии, вот уже год заместитель председателя Толбухинского аграрно-промышленного союза по растениеводству.

— В нашем округе 350 тысяч гектаров обрабатываемой земли распределены среди восьми АПК, — рассказал он. — Земли тут плодородные, равнинные, и это дает возможность осуществить высокую механизацию. В среднем с гектара получаем 55 центнеров зерновых и кукурузы.

В кабинете Иван Христов не засиживается. Ежедневно на своих «Жигулях» он проезжает до двухсот километров, чтобы самому на месте разобраться, как идут дела. Наше появление дает ему возможность лишний разок заглянуть к своим. Вместе с нами в «Жигули» садится еще один бывший бригадир из АПК «Добруджа», а ныне секретарь Толбухинского окружного комитета Отечественного фронта Симеон Колев. Дорога располагает к неспешной беседе, и мы узнали, что Иван и Симеон коренные добруджанцы. Окончили сельскохозяйственный институт в Софии, вернулись в родные места. Начали работать агрономами в кооперативе и честно признались, что подумывали, куда бы отсюда податься. Поворот в их судьбе — 1970 год. Тогда был организован аграрно-промышленный комплекс «Добруджа», и во главе его стал умный, энергичный Герой Социалистического Труда Петко Колев. Он сразу ухватил суть нового перспективного дела и назначил молодых агрономов бригадирами: теперь у каждого из них была возможность показать, на что способен. Легко ли было начинать? Трудно, потому что новое дело потребовало перестройки не только организационной, экономической, но, что гораздо сложнее, нравственно-психологической. Тут многое зависит от личности бригадира: его знаний, увлеченности делом, умения быть требовательным и волевым руководителем.

...Машина чуть замедляет бег, и Иван Христов негромко произносит: «Это уже поле моей бригады». Его поле... Сколько же было связано с ним тревог и забот за те десять лет, что он тут хозяйствовал! Да, именно так — хозяйствовал, пробовал, экспериментировал: ведь это он ввел в бригаде специализацию по звеньям и по отдельным механизаторам, чтобы каждый занимался какой-то определенной культурой. Наш путь пролегал через уютное село, застроенное кирпичными двухэтажными

домами. Возле каждого фруктовый сад, а вдоль дороги высажены розы — бесконечный ряд цветущих кустов. «Это моя деревня, теперь тут только мать живет...» — сказал Иван и, свернув с шоссе, подъехал к распахнутым воротам центральной усадьбы бригады. Один из секретов успеха бригады — высокая механизация. К технике тут, сразу видно, относятся с уважением, и, чтобы сохранить ее в дождь и стужу, строят крытый двор. Тут мы и повстречались с новым бригадиром Христо Христовым и несколькими членами бригады, которые по-родственному обнялись с Иваном. Он зачерпывает пригоршней новый хлеб и долго изучает лежащие на ладони крупные, ядреные зерна. Спрашиваем, что за сорт?

— Мы много сортов тут перепробовали вместе с учеными из научно-исследовательского института, а больше всего к нашей земле и климату подошли три сорта — «Чародейка», а еще «Плиска» и «Тракия».

Вот он, второй секрет высоких урожаев: мастерство землепашцев здесь подкрепляет наука. Ученые разработали всю технологию обработки почвы, сроки посева и сами ведут эксперименты на поле в сто гектаров. Спрашиваем нового бригадира, сколько нынче собрали пшеницы с гектара?

— Семьдесят центнеров. Повторить достижения Ивана пока не удалось, но, — Христо Христов улыбается в усы, — мечтаем со временем взять все сто!

А третий секрет успеха этой бригады (здесь работают пятьдесят человек в возрасте до 37 лет, из которых сорок — механизаторы и пятеро имеют высшее специальное образование) нам раскрыли лишь после того, как показали свой «главный дом» — двухэтажное здание современной архитектуры с прекрасной столовой, залом для отдыха и кабинетом бригадира. Хозрасчет — вот движущая сила новой формы ведения сельского хозяйства. У бригады свой счет в банке, она сама формирует свои фонды и сама же решает, на что истратить деньги. И они построили этот дом, детский сад, а недавно выложили миллион левов за базу отдыха у моря. Вот так живут сегодня болгарские миллионеры!

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ

...Это произошло в городе Тырново в конце 1944 года. В гимназию, где учился девятилетний Любомир Левчев, пришла худенькая девушка. Она рассказала ребятам о Советском Союзе и о том, что такие пионеры, а потом спросила, кто хочет вступить в ряды болгарской детской организации. Любомир поднял руку. Пионерская жизнь началась с удивительного. «Давайте с вами совершим путешествие в Москву, — предложила девушка, — но пока... карт!»

В доме отца Любомира, врача Левчева, была большая карта Советского Союза, на которой он отмечал черными кружочками наступление немецких войск, а потом победное продвижение Советской Армии. Любомир знал эту карту наизусть, но на этот раз он стал изучать глубокий тыл страны, которая еще вела войну. И когда на следующем сборе девушка спросила, кто готов к путешествию в СССР, он первым поднял руку. Мальчик рассказал, что поедет из Тырнова до Варны, потому что никогда не видел моря, потом на пароходе до Одессы, оттуда в Ростов-на-Дону и дальше вверх по этой реке... К его огорчению, Дон Москвы не достигал, и тогда он сказал, что дальше полетит самолетом. Девушка похвалила: «Молодец, Левчев, правильно доехал!» И он загорелся мечтой побывать в этом городе.

Мечта осуществилась спустя 16 лет, когда он, двадцатипятилетний, но уже известный поэт, вместе с прославленным писателем Георгием Караславовым прилетел на Ту-104 в Москву. Это была делегация Союза писателей Болгарии.

Член ЦК БКП, лауреат Димитровской премии, председатель Союза болгарских писателей Любомир Левчев рассказал нам эту историю у себя дома. В одной из комнат — мастерская его жены, Доры Боневой, известной художницы, выставки которой имели успех во многих странах. В последние годы Болгария участвовала в 447 международных выставках и получила 214 высоких наград!

— Думаю, это не случайные достижения, — говорит художница. — Ведь на передний план политики партии выдвинуты задачи тесной связи искусства с реальной жизнью и всенародным эстетическим воспитанием. Цель его — многостороннее и гармоничное развитие личности. Мы, болгарские художники, начинали не на пустом месте. У нас богатые националь-

Судостроительный завод имени Георгия Димитрова. Этот корабль строится по заказу Советского Союза * Приморский парк в Варне — излюбленное место детворы * Албена — жемчужина болгарского Черноморья * Диляна Георгиева — абсолютная чемпионка мира по художественной гимнастике (фото Емила Манджарова) * Заслуженный художник НРБ Дора Бонева.

«Добре дошли, братушки!». София, 9 сентября 1944 года.

Так встречала советских воинов освобожденная Болгария.

ные фольклорные традиции. Мы опирались также на наследие художников 30-х годов, которые не отгораживались от участия в народной борьбе за свободу и, усвоив традиции мирового искусства, создавали полотна, заполненные жизнью. Ежегодно у нас бывает до десяти выставок художников. Живопись путешествует по стране, подолгу гостит в больших и малых городах. Даже в деревнях теперь появились свои малые галереи, и одна из лучших — в Стражицах, возле Велико-Тырнова.

Чтобы понять суть политики партии в области культуры, — вступает в разговор Левчев, — надо вернуться к ее первоистокам. Вопросам развития культуры, литературы в нашей стране с самого начала уделял большое внимание Георгий Димитров. А в последние годы созданы основы культуры зрелого социализма.

Открытие таланта отдельного человека делает богаче всю нацию: чем богаче духовно будет каждый, тем богаче станет духовная жизнь страны. Проблемы гармонического воспитания личности партия увязывает со всей своей экономической политикой, и это подчеркивал товарищ Живков, который говорил о важности ускоренного параллельного развития материального и духовного обеспечения народа. Ведь если материальные блага перевешивают, тогда появляются грубые материалисты, потребители, а пойдет крен только в область духовного развития — появятся донкюхоты, романтики, люди для литературы интересные, но не умеющие решать жизненные проблемы. И потому суть единой общенациональной программы эстетического воспитания, которую осуществляет Болгария, состоит именно в том, чтобы гармонически развить творческое начало, заложенное в каждом человеке.

Болгария сегодня — инициатор многих авторитетных форумов деятелей культуры разных стран. Здесь проходят международные встречи писателей под девизом «Мир — надежда планеты», фестиваль Театра наций, Всемирная биеннале архитектуры, Софийские музыкальные недели, Международный конкурс молодых оперных певцов, Международный балетный конкурс, фестиваль «Варненское лето». Все это сделало страну местом оживленной и плодотворной для дела мира культурной жизни.

Стремление к миру и дружбе с народами заложено в болгарском национальном характере. Об этом говорил Любомир Левчев в дни празднования 1300-летия Болгарии. Нелегкая судьба выпала на долю этого народа. Из тридцати веков лишь считанные десятилетия он жил спокойной жизнью, не ведя ожесточенной борьбы за свое существование. Болгары храбро сражались, отстаивая свою независимость, но не было в истории этого народа времени, когда бы он стал поработителем! Историки средневековья оставили свидетельства о болгарах, как о народе трудолюбивом, кротком и честном. Но за пять столетий османского ига этот трудолюбивый, кроткий и честный народ более двухсот раз поднимал восстание — КАЖДЫЕ ДВА ГОДА! И потому на этой земле родился поэт, который написал перед смертью: «Кто в грозной битве пал за свободу — не умирает». Христо Ботеву было двадцать семь лет, когда он вошел в бессмертие. С его стихами в бой за победу революции шли молодые болгары в незабываемом тысяча девяносто сорок четвертом.

София — Москва

Болгарские партизаны. Крайний справа — Добри Джуров, ныне министр народной обороны НРБ.

Фото А. ГРИГОРЬЕВА («Советский воин»)

Приближение к герою

гастроли

Спектакль «Хлеб и кровь» по пьесе А. Проханова и Л. Герчикова поставил в Харьковском русском драматическом театре имени А. С. Пушкина его главный режиссер Александр Барсегян.

Подзаголовок пьесы — «Афганский репортаж», и как же много в этих двух словах заключено: волнующие своей яростностью, драматизмом и неколебимой верой в победу события афганской революции; трагические перипетии судьбы тех, кто служит революции, с теми, кто хочет задушить ее; образы советских людей — солдат мира, везущих хлеб для афганского народа и спасающих его от бандитов ценой своей крови; эпизоды жизни и боевой, горячей работы журналиста Волкова, сраженного вражеской пулей на своем посту во время передачи очередного репортажа в Москву...

Я смотрела на сцену, и передо мной вставали лица тех, недавно ставших известными, кто судьбою своей удостоверил истинность «Афганского репортажа». Один из них — комбат Леонид Хабаров, охранявший стокилометровый участок «дороги жизни», по которому жителям многих районов Афганистана доставляются из нашей страны хлеб, топливо, передвижные электростанции — все, что необходимо для мирной жизни. Отбивая атаку душманов на колонну с проводами, Хабаров и его бойцы попали под настыльный пулеметный огонь. Разрывные пули раздробили комбата плечо и руку. Еще находясь в сознании, он вытащил из-под огня раненого афганского солдата, а сознание потерял уже в вертолете...

Об этих людях и фактах нельзя не думать сегодня. И очень хорошо, что есть пьеса и спектакль, которые поставили перед нами устами главного героя Волкова вопрос: но как же мне быть, когда я вернулся в Москву, окажусь снова в своей нормальной, удобной квартире? Радоваться, что меня миновала беда? Что стреляют где-то очень далеко, а не у меня под окном? И голодные люди в лохмотьях и дети, прошедшие ад, — не у меня в подъезде? Но ведь все это очень близко, так недалеко от недавнего прошлого, когда пол-России сгорело, пол-Родины в землю легло. Или все это может опять повториться?

Пьеса А. Проханова и Л. Герчикова написана, что называется, по горячим следам событий. Премьера спектакля пушкинцев состоялась в июне этого года, а 24 июля статья о комбате Хабарове и «дороге жизни» опубликована в «Правде».

Спектакль я увидела на следующий день. Может быть, именно поэтому он так особенно взволновал меня. Как мне кажется, многие из присутствующих в зале людей разных поколений,

гражданских и военных, не остались равнодушны к нему. Суровый лаконизм, я бы даже сказала, аскетизм сценографии художника Б. Чернышева помогал этому, как бы являя нам образ мрачных скал, обагренных кровью. На их фоне зеленые борта военных машин — тех самых, что и сегодня везут хлеб по «дороге жизни»...

Спектакль совсем еще юный, и, вероятно, поэтому не всеми актерами он пока «ожит» в равной степени, но во взволнованности, искренности душевного подъема им не откажешь. Запомнились И. Шевченко (Аня), Е. Лысенко (Надир Голь), Ю. Жбаков (Белоусов), В. Гурин (Азиз Малех), молодые актеры А. Борисенко и Б. Поляков в ролях Шатрова и Бойцова. Хотелось бы большей внутренней наполненности, органичности от А. Кубанцева (Волкова).

Мы справедливо упрекаем наших драматургов в недостатке пьес по проблемам идеологической борьбы, международной жизни, военной героики. Поэтому вполне понятно и достойно уважения желание театра найти свежий, интересный материал по этой теме, который можно было бы инсциенировать. В этом смысле роман-хроника Юлиана Семёнова «ТАСС уполномочен заявить...» произведение достаточно привлекательное. По содержанию. По форме оно скорее тяготеет к кино и телевидению: чрезвычайно быстрая смена мест действия, событий, нарочито лаконичный, а порой официальный стиль, манера изложения, эскизность в обрисовке характеров. Это доказал недавно прошедший по телевидению сериал «ТАССа».

Спектакль в постановке А. Барсегяна (режиссер А. Вецнер) принимается как рассказ, а точнее, репортаж о героических буднях советских чекистов, стоящих на страже мира, как активная, достаточно действенная информация к размышлению каждого о том, какой дорогой ценой мы платим за этот мир, как изощрены и коварны наши враги и насколько важно оставаться гражданином и патриотом Родины в любой, даже самой тяжкой ситуации.

Душой спектакля, центром его, не только мозговым, но и личностным, стал генерал Константинов в исполнении Бориса Табаровского. Именно от него исходят та острота мысли, та душевная энер-

гия, профессиональная хватка и человеческая неповторимость, которые присущи людям этой славной и мужественной профессии и которых, к сожалению, недостает некоторым другим действующим лицам. Привлекателен и полковник Славин в исполнении Евгения Лысенко — это тоже характер. Более скрытый, менее яркий, но, безусловно, цельный.

Героическое начало как преобладающее, как способность человека и в мирное время возвыситься над драматическими обстоятельствами жизни, а по существу, совершив победу над самим собой, над своими заблуждениями и ошибками, присуще в той или иной мере каждому из показанных харьковчанами спектаклей на современную тему. Но наиболее полное и выразительное выражение оно получило в драме Ю. Щербака «Приближение» (постановка А. Барсегяна, режиссер А. Вецнер). Практически мы снова имеем дело с опытом документальной драмы, ибо у героя Лунина есть реальный прототип: выдающийся советский кибернетик, чья жизнь является примером беззаветного служения делу, героической жертвенности ради его успеха.

И вместе с тем драму эту по праву можно назвать спектаклем глубоко философским. Не только потому, что в него введены фантастические сцены, построенные на сюжетных линиях «Фауста» Гете. Они могли так и остаться своего рода «дивертисментами», если бы сама пьеса не была предельно насыщена пульсирующей мыслью, внутренним действием, если бы ее подводное течение не было столь сильным, что буквально втянуло в себя зрительское внимание.

О чем эта пьеса? О том, как труден путь к истине. О том, что ошибиться, принести боль своим близким может каждый, но очень важно иметь мужество понять и признать это. О том, что в вечном споре с прогрессом и наукой всегда останутся живыми, трепетными, непобедимыми мысль, любовь, доброта, память, надежда. Резкая черно-белая сценографическая гамма (художник Владимир Кравец) подчеркивает драматизм происходящего. Его смысл и значение фокусируются в себе Лунин — Евгений Лысенко. Этот талантливый актер, кажется, прожил на наших глазах целую жизнь, да такую, которой хватило бы на добрый десяток лет. Масштабность личности большого ученого и на фоне этого ранимость, переживания стца,

не понимающего своего единственного сына; острыя, пронзительная тоска по трагически оборвавшейся любви; непрекращающая забота о деле, о достойном преемнике; жажды жить и сознание того, как мало осталось, — все это мы видим в Лунине.

Удивительна работа Ирины Шевченко в роли старой писательницы Шахбазян. Это не только внешнее перевоплощение — перед нами еще одна личность, еще одна судьба, по высоте своего взлета не уступающая лунинской. Сколько в ней мудрости и достоинства, юношеской душевной энергии и мужества человека, созидающего, что через миг «колокол зазвонит» по нему.

Вообще надо сказать, что «Приближение» очень ансамблевый спектакль. На высокой ноте сыграли Светлана Ковтун (Нелли Константиновна), Александр Дербас (Руслан), Николай Рачинский (Дроботко), Борис Табаровский (Роменский) и другие.

К сожалению, непросто оказалось с классикой. «Борис Годунов», несмотря на долгую и упорную работу, пока не «дался» театру в полной мере. Одну из вершин русской классики преодолеть очень трудно, но театр не сдается, продолжает путь к ней. Это само по себе заслуживает уважения.

Какие бы споры ни вызывала «Двенадцатая ночь» В. Шекспира, но есть в этом спектакле задор, веселье, красочность, яркие характеры, полнота чувств... А это немало.

* * *

Много лет назад мы, питомцы литературного кружка львовской средней школы № 50 имени А. С. Макаренка, во главе со своей любимейшей преподавательницей литературы Юдифью Львовской Львовой, очень дружили с Театром юного зрителя, главным режиссером которого был Александр Барсегян. На спектаклях «Именем революции», «Чудесный сплав», «Я тебя найду» мы получали уроки гражданственности, учились воспринимать театр как неотъемлемую часть своей жизни. С тех пор прошли не просто годы, а добрых четверть века, но А. Барсегян не изменился и верен героической теме. Будем ждать от режиссера и дальнейшего «приближения» к герою наших дней.

И. МИЗЕНЧИКОВА

В драматическом театре Комсомольска-на-Амуре существует молодежный творческий коллектив: режиссер-постановщик Вадим Паршуков, художник Константин Розанов и артисты Леонид Лелькин, Владимир Сергианов, Александр Славский, Татьяна Янинчук... Они выпустили серьезный спектакль «Возвращение» — композицию по рассказам В. Шукшина.

Распахивается сцена... Скромно и неприхотливо она оформлена. Но самая эта скромность обстановки весьма точно обдумана В. Паршуковым и К. Розановым. Перед нами ожившие раздумья Шукшина о жизни людей, досыта хлебнувших горя горького, но не сдавшихся, сохранивших в себе душу живую, волю к труду. Молодежный коллектив совершает поиск непростой — поиск жизни осмысленной, на полненной нравственным богатством. Поэтому-то шукшинские герои и овладевают вниманием, сердцем зрителя, который видит спектакль «Возвращение».

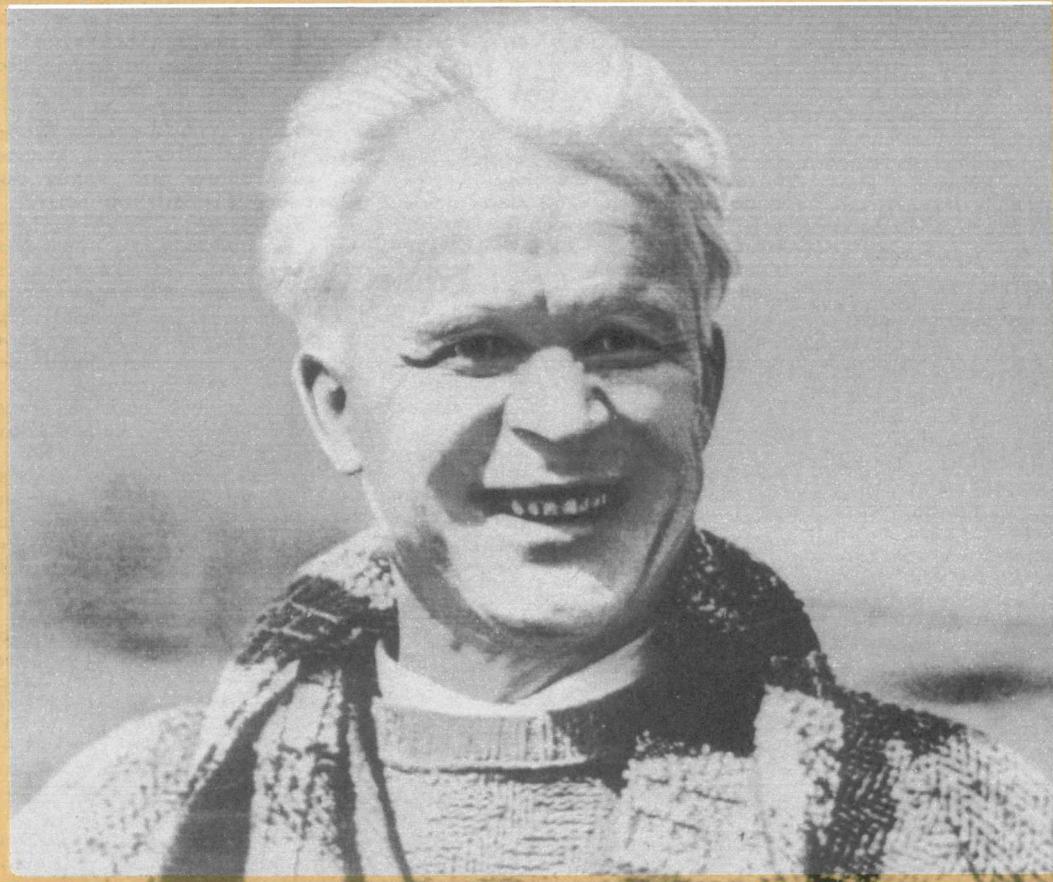
Н. ПАВЛОВА

Сцена из спектакля «Возвращение».

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

САД

Александр Петрович Довженко.

Когда-то Алексей Максимович Горький, встретив Чехова в Ялте, запомнил его слова: «Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!»

Довженко всю жизнь был связан с землей. Он любил сажать сады. На «Мосфильме» сады довженковские. Где бы он ни был: в киноэкспедициях, на студиях, у себя на даче или на дачах своих друзей,— всюду его можно было увидеть с саженцами в руках. Где он их брал, я не знаю. Казалось, нарочно привозил с собой в своем бауле.

Он любил мять землю в руках. Всматриваться в землю, перебирая ее крупицы в ладонях. Дышать ароматом земли.

«Я всегда думал и думаю, что без горячей любви к природе человек не может быть художником. Да и не только художником»,— писал Довженко. Эти слова не просто слова. В мировой кинематограф Александр Петрович Довженко вошел прежде всего как автор «Земли», великого фильма.

Первый кадр фильма— бескрайняя, уходящая куда-то за горизонт нива, и высокое, пронзительно ясное небо над нею. Следующий кадр— подсолнухи. А среди них— лицо девушки, которая так же, как подсолнухи, подставляет навстречу солнцу свое прекрасное лицо. И наконец— сад, где деревья согбаются под тяжестью переспелых плодов...

«Земля»— это взгляд Довженко на мир в нем только присущих формах образности. Довженко даже сценарии своих фильмов пи-

сал по-особому. Он писал их так, как писать не принято, как писать нельзя. Я сам был однажды свидетелем, как на очередном худсовете, не помню уже в каком году, Александр Петрович читал свой сценарий, где были, например, такие строки:

«Пейзаж... Пейзаж... Еще один пейзаж... Наикрачий (значит, лучший) пейзаж... Пейзаж... Пейзаж...»

Что это за пейзажи? Что Довженко имел в виду? Он это знал, он это видел своим внутренним зрением, но объяснить не хотел, не мог... Разве может человек объяснить интуицию?

Довженко говорил об Эйзенштейне: «Как человек он всегда был больше своих картин». Я могу это сказать о самом Довженко. В процессе работы ему нельзя было смотреть отснятый материал: он тут же начинал его переделывать. И не просто менять местами какие-то куски за монтажным столом— нет, хуже: переснимать! Так могло продолжаться бесконечно. Он всякий раз находил что-то новое. И всякий раз был недоволен собой. По-настоящему недоволен. Он мог работать двадцать четыре часа в сутки. И все равно его замысел был выше того, что удавалось воплотить.

Впрочем, чему удивляться: замысел фильма, сценарий фильма у Довженко всегда были внутренне живыми. Он был далек от мысли подчинить их выражению какой-то одной, предельно конкретной идеи. Он вообще был далек от схематизма и ненавидел схема-

тизм. Формулы. Он был выше формул. Он не умел «программировать» свои фильмы за письменным столом, шаг за шагом рассчитывая свою будущую работу. Очень много написано— и у нас в стране и за рубежом— о том, как снята «Земля», и о бесконечных бороздах, которые любовно прокладывает дядька Опанас, и о том, как дивно раскачиваются на степном ветру любимые довженковские подсолнухи, и о золотистой пыли, которая стелется над дорогой в лунную ночь, и о поэтической дымке тумана, украсившей пейзаж. В фильмах Довженко все просто. Действующее лицо— сама природа, которая, как известно, не поддается режиссуре. Но как разгадать или, скажу точнее, как повторить эту простоту на экране? Если бы знать...

В своей книге «Желание чуда» я писал, что Довженко представляется мне человеком, стремившимся к гармонии. Сейчас я бы эти слова чуть изменил. Не стремившийся, а достигнувший гармонии— так будет лучше. Вернее. Его жизнь обладала какой-то особой цельностью. Любые, даже малейшие компромиссы были ему принципиально чужды. Он жил так, как велело сердце. Даже в тяжелые времена он был во всем— абсолютно во всем— верен себе. Он смолоду привык говорить так, как думает, невзирая на лица.

Как-то раз во время съемок к нему в павильон пришли какие-то важные люди. Пришли в пальто, в шляпах, стали громко и бесцеремонно переговариваться между собой. Довженко сказал:

— Снимите шляпы. Запомните: вы вошли в храм.

А как-то раз его пригласили прочесть лекцию во ВГИКе. На сцене стоял большой стаинный рояль. Довженко поднялся на сцену, увидел рояль, провел по его крыше платком и показал студентам черный шрам пыли:

— Вот эта грязь проникнет и на экран.

Довженко никогда бы не прошел мимо того, что, как ему казалось, должно быть сделано как-то иначе. Непорядок, безалаберное отношение к делу причиняли ему почти физическое страдание.

Он шел по «улицам» «Мосфильма» и замечал кирпич на мостовой.

— Почему он лежит, этот кирпич, именно здесь? Я прошу его немедленно убрать.

Что это? Щепетильность? Нет. Довженко искал гармонию не только на экране. Он прежде всего искал ее в самой жизни. И если какой-то кирпич эту гармонию разрушал, он не мог, повторяю, не мог пройти мимо.

«По жанру я относился к поэтическому роду»,— писал Довженко о своих фильмах. Но он относился к «поэтическому роду» и по «жанру» самой своей жизни. Его жизнь и его творчество неотделимы друг от друга. Он не умел разделяться. Он был многогранен, но он не умел быть разным в зависимости от обстоятельств. Трудно представить искусство в большей мере открыто партийное, чем искусство Александра Петровича Довженко. Но при этом складывается такое впечатление, что его фильмы, например, «Земля»,— создание не человека, а природы. В этом и есть, по-моему, самое большое достижение его кинематографического искусства.

Я снимался у Александра Петровича только раз— в «Мичурине». Как и некоторые биографы Довженко, я склонен считать, что его обращение к «Мичурину», далекому от непосредственной «злобы дня», перекликается с его идущей от «Земли» мечтой о садах, щедро украшающих весь мир. В этот момент— в 1943—1944 годах,— когда у Довженко были практически готовы к съемкам два сценария— «Тарас Бульба» и «Украина в ог-

не», — вдруг начинается работа над «Мичурином», и все остальные дела, планы, мечты резко отходят на второй план. Разгадка, я думаю, кроется в одной дневниковой записи Довженко: «Я ощущаю в нем (в Мичурине.— С. Б.) себя...»

Я играл в «Мичурине» эпизодическую роль селекционера, который приезжает к Мичурину посмотреть на его работу, набраться опыта. Материал роли по жизни был мне совершенно незнаком. Я с селекционерами сталкивался мало и редко. Собрался, сосредоточился. Жду, когда Александр Петрович даст какие-то указания, поставит задачу. А он молчит. Проходит минута, другая, третья... Наконец я не выдерживаю, спрашиваю:

— Александр Петрович, а все-таки что я должен здесь сыграть?

Довженко помолчал, походил, даже в камеру зачем-то заглянул, а потом вдруг торжественно, будто сейчас мне будет дано величайшее задание, говорит:

— Вы должны сейчас сыграть отношение простого человека к науке.

Довженко нашел единственные слова. Я сразу что-то понял. Что-то для себя открыл. В этом и есть, я думаю, достоинство режиссера: найти то единственное слово, которое даст актеру ключи к раскрытию образа. Сделать так, чтобы актер с полуслова понял тебя, режиссера.

А как он был красив! Всегда гордо нес свою седую голову. Высокий лоб мыслителя, тонкие черты лица. Речь — каждое слово на своем месте. Каждое слово продумано. За словом — мысль.

Даже находиться рядом с ним было как-то особенно приятно. А наблюдать его в работе — просто удовольствие. Если взять большинство фотографий Довженко, то трудно не заметить, что Довженко будто заглядывал куда-то далеко. Туда, куда мог заглянуть только он один. В беспредельность мира...

Он по натуре был мечтатель. В последние годы жизни страстно мечтал поставить фильм о космосе. Словно чувствовал: границы Все-ленной расширяются — скоро внимание человечества с Земли переключится в космос, скоро мы устремимся на другие планеты. На худсовете в «Мосфильме» он как-то поделился своими замыслами:

— Думаю полететь к другим планетам. Понадчу на Марс...

Что заставляло Довженко заниматься проблемами отнюдь не кинематографическими: писать докладные записки в правительство о том, как должны быть оформлены берега будущего моря от Запорожья до Каховки; составлять план реконструкции Брест-Литовского шоссе; думать о том, как лучше перестроить некоторые площади и улицы столицы?.. Все то же врожденное чувство гармонии. Он хотел, чтобы гармония была во всем. Чтобы вся планета стала садом. И сам сажал этот сад, трудился каждодневно, ежеминутно. А когда случалось быть в простое — неимоверно страдал...

— Я подсчитал, что мой «Довженко-час» стоит 15 тысяч рублей, — заявил он как-то раз на одном ответственном совещании. — Сколько же государство потеряло на моих вынужденных простоях?

А сколько потерял кинематограф!.. Многие замыслы, сценарии остались нереализованными. Но можно было бы написать целую книгу, новую книгу о том, как Довженко продолжает жить в мировом киноискусстве.

Сегодня фильмы Довженко все чаще и чаще возвращаются из фильмохранилища на широкий экран. Недавняя демонстрация «Арсенала» по телевидению вызвала сотни писем зрителей, особенно молодежи. И фильм повторили еще раз. Я верю, что по сценариям Довженко другие режиссеры будут ставить фильмы. И не один, не два. Его сценарии — это большая литература. Она не затеряется в веках.

Довженко остается нашим современником.

Снова, как прежде, обращаемся к нему за советом. Снова, как прежде, пересматриваем его ленты. А жизнь все чаще и чаще сталкивает нас с проблемами, которые задолго до наших восьмидесятых годов первым поставил в кино выдающийся режиссер, мыслитель, человек — Александр Петрович Довженко.

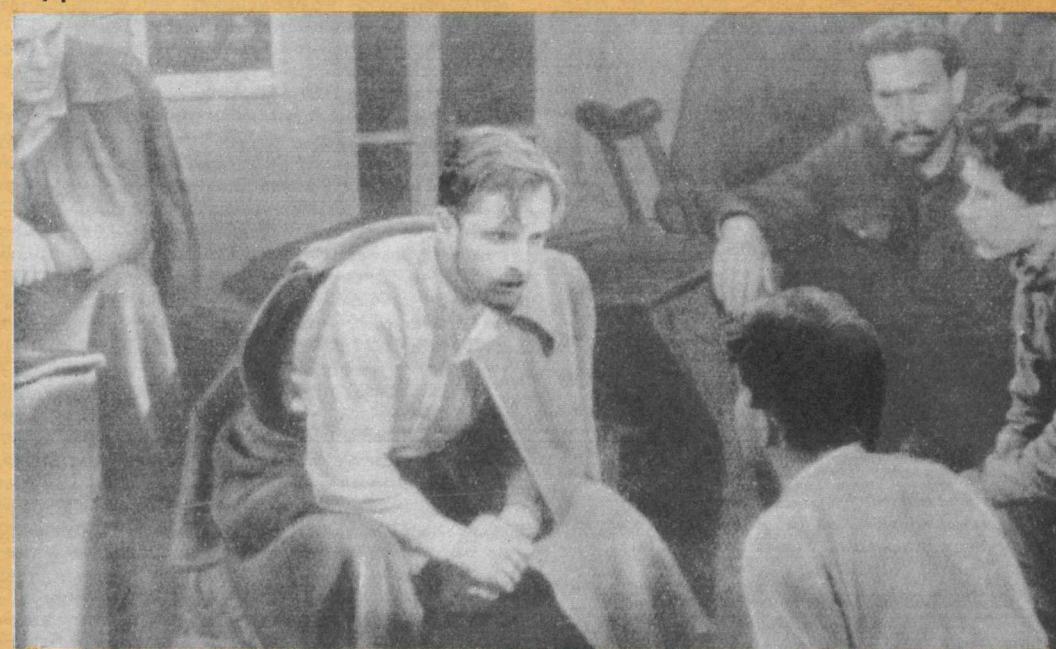

«Арсенал».

«Земля».

«Земля».

«Жорс».

ОБРЕЧЕННЫЕ

Цезарь СОЛОДАРЬ

КРАХ СИОНИСТСКИХ ПЛАНОВ

«Израиль приближается к краю пропасти». «Государство, считающее миром permanentную войну, обрекает себя на крах».

«Сионизм затягивает петлю на собственной шее».

«Израилю уже не верит не только Восток, но и Запад».

Эти строки я выписал из западных газет, причем далеко не антисионистских.

И все же политика и практика сионизма становятся все более реакционными, милитаристскими, расистскими. Захватнические операции израильской военщины сопровождаются аннексионистским разгулом сионистской пропаганды. Подпевая шароновскому преемнику Аренсу, она преподносит кэмп-дэвидские соглашения уже как... недопустимую уступку арабам и проявление израильско-американской «мягкости».

Практика международного сионизма последних лет еще и еще раз подтвердила, что антикоммунизм — это главное идеально-политическое оружие империализма, основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма. Безудержное применение этого отравленного ядом расизма и милитаризма оружия неустанно разоблачает Коммунистическая партия Израиля, возглавившая все крепнущий в стране Демократический фронт. «Коммунистическая партия Израиля считает, — говорится в резолюции XVIII съезда КПИ, — что пролетарский интернационализм был и остается краеугольным камнем мирового коммунистического движения и его надо беречь как зеницу ока».

С трибуны XXVI съезда КПСС был дан исчерпывающий и точный анализ ближневосточной проблемы:

«Добиваясь господствующего положения на Ближнем Востоке, США встали на путь политики Кэмп-Дэвида, на путь раскола арабского мира и организации сепаратного сговора между Израилем и Египтом. Американской дипломатии не удалось превратить этот сепаратный антиарабский сговор в более широкое соглашение капитулянтского типа. Но она преуспела в другом: произошло новое обострение обстановки в регионе. Ближневосточное урегулирование оказалось отброшенным назад».

Столь тревожная обстановка еще более углубила всесторонний — политический, экономический, нравственный — кризис в стране, которой управляют сионисты, бессовестно продающие интересы простых израильтян за долларовую похлебку.

Что же обычно предпринимают в такой обстановке озлобленные своими неудачами империалисты и их пособники? Проверенный жизнью ответ на такой вопрос дан на XXVI съезде КПСС:

«События последнего времени еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно».

Окончание. См. «Огонек» №№ 35, 36.

Именно так поступают и сионисты Израиля. Они стали действовать против социалистических стран особенно изощренно и коварно, особенно безответственно и оголтело. С удешевленной яростью ополчились они против выдвинутых на форуме советских коммунистов незыблемых, продиктованных искренним миролюбием и высоким интернационализмом основных принципов ближневосточного урегулирования.

Эти принципы, как известно, предусматривают прекращение израильской оккупации всех захваченных в 1967 году арабских территорий, реализацию неотъемлемых прав арабского народа Палестины и создание им собственного государства, а также необходимость обеспечить безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе и Израиля.

Человечество знает: Израиль преступно нарушил ясное и недвусмысленное решение Организации Объединенных Наций, предусматривавшее создание на бывшей подмандатной территории Великобритании на Ближнем Востоке двух суверенных государств — палестинского и еврейского. Но нельзя забывать и о другом важнейшем документе ООН, столь же преступно игнорируемом сионистскими правителями Израиля. Речь идет о резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1948 года. Резолюция была подтверждена протоколом, подписанным Комитетом ООН по делам палестинских беженцев и представителями израильского правительства 12 мая 1949 года в Лозанне. Он предусматривает неотъемлемое право палестинских беженцев на возвращение в Палестину, в свои родные города и селения. За возвращающимися беженцами сохраняется право на все их движимое и недвижимое имущество. Если же изгнанные с родной земли палестинцы решили не возвращаться на родину, то израильские власти обязаны выплатить им материальную компенсацию за оставленное в Палестине имущество и землю.

Повторяю, представители Израиля подписали этот протокол — таково было непременное условие приема Израиля в ООН.

Израильские власти и лидеры международного сионизма давно и упорно бравируют своим пренебрежением резолюциями и документами ООН, в которых идет речь о международных обязательствах Израиля.

Да, сионистским правителям Израиля по душе кровавая роль ближневосточного жандарма, предначертанная далеко идущими экспансионистскими планами вавингтонской администрации Рейгана. Вот почему множатся разбойничьи налеты израильских вооруженных сил на истерзанный Ливан.

Сионистская пропаганда пытается отвлечь население Израиля от тяжелой действительности неумолчным шумом о растущей военной поддержке Рональда Рейгана. Понимая, что монополистический еврейский капитал США в силах продиктовать президенту свои железные условия (а Рейгана не очень-то приходится уговаривать!), израильские сионисты с иронической снисходительностью относятся к любому не лестному для них высказыванию прессы или видного политического деятеля США: не раз, мол, слышали, ну и

что! По привычке обозвали антисемитом известного обозревателя Джеймса Рестона, со страниц «Нью-Йорк таймс» сказавшего: «Американский народ устал от израильских требований». И словно в пику ему поспешили объявить, что подведомственное высшим сионистским инстанциям «Общество еврейского воспитания» сумело добиться от военных властей США права на регулярное проведение воспитательной работы среди американских военнослужащих еврейского происхождения.

— Америка нас не оставит, Америка нас выручит, Америка нам поможет!

Этот назойливый мотив израильской пропаганды неизменно воскрешает в моей памяти беседу в Остии под Римом с изведавшим много горя в зарубежных скитаниях бывшим советским фармацевтом. Ныне Аркадий Зельманович за треть ставки подпольно служит в «фирме» по сбыту бесплатных противозачаточных средств, а по воскресеньям спешит на печально знаменитую римскую бараходку Порто-Поргезе, где тщетно пытается сбыть привезенные из дома янтарные изделия и гусиный пух для подушек.

— Об американской помощи, американской выручке много всяких криков и толков я наслышался за четырнадцать месяцев мучений в Израиле, — сказал мне Аркадий Зельманович. — И знаете, как я это оцениваю? Точно так, как мой покойный отец. А он был умнее своего единственного сына. Он прожил всю свою жизнь уважаемым человеком в Баку, а я уже пятый год на птичьих правах валяюсь по странам западного «райя». Он видел в Баку летом двадцатого года Съезд народов Востока, а я видел здесь, как после милого разговора в «Джойнте» и американском консульстве молодой одессит Валерий Пак выбросился из окна на тротуар... Так вот, отец велел мне крепко запомнить слова Джона Рида, которые лично сам слышал на том съезде. И я запомнил. Отвечая кому-то, кто очень надеялся на то, что «Америка все пришлет, все даст», Джон Рид сказал так: «Дядя Сэм никогда не дает чего бы то ни было даром. Он является с мешком, набитым соломой, в одной руке и с кнутом — в другой. Кто принимает обещания дяди Сэма за чистую монету, тот вынужден будет платить за них потом и кровью».

Пóтом и кровью! Столь дорогой ценой будут, разумеется, расплачиваться не сионистские лидеры и знатные клерикалы, а израильские трудающиеся, обогащающие своим трудом тех, кого Вашингтон подзуживает на новые милитаристские и захватнические акции. Уже сейчас сыновья и дочери рабочих и рядовых служащих, лишенные средств на бегство из страны, нередко отдают жизнь в бесчисленных кровавых операциях израильской армии, гибнут, как точно выражаются израильские коммунисты, за долларовую похлебку. А израильские банкиры и предприниматели, спекулянты и террористы, исповедуя циничное кredo «Ма ихпат ли!» («Мне-то какое дело!»), стремятся перещеголять один другого изысканными виллами, быстроходными яхтами, суперавтомобилями. Буржуазия Тель-Авива неистово соревнуется, например, в «модном» импорте домашней челяди из Филиппин — вышколенной, умелой и, глав-

ное, безропотной. От удовлетворения любых прихотей, самых изощренных и безрассудных, не останавливает израильских богатеев и разъедающий страну жестокий кризис.

От западноберлинского журналиста, посетившего Тель-Авив, я услышал:

— Напоминаю вам: я не левый. Но не могу не сказать, что тельавивцы из аристократических районов роскошествуют так безответственно, так нагло, что в сравнении с нищим существованием обитателей районов трущоб, среди крыс и нечистот это напоминает пир во время чумы.

Подчеркиваю, такой кощунственный пир кучки израильских богатеев происходит в то время, когда инфляция в стране перевалила за отметку 180 процентов¹, когда число беглецов из страны — йордим, преимущественно коренных жителей, стало заметно перекрывать число обманутых сионистской агентурой новоприбывших — олим; когда количество не вернувшихся в страну из зарубежных командировок, туристических поездок и после учебы израильтян достигло в этом маленьком государстве 37 тысяч человек в год (в 1984 году эта цифра возросла!); когда окончательно зашли в тупик тщетные попытки реализовать кэмп-дэвидский говор о предоставлении мифической автономии проживающим на захваченных Израилем территориях палестинцам; когда с новой силой разгорелась их освободительная борьба против захватчиков.

* Что же практически извлек для себя Израиль, реализуя гигантскую программу очернения социализма? Что принес разнужденный антисоветизм не знающей мирных дней стране, где нравственно разрозненных, классово чуждых, разговаривающих на 81 языке выходцев из 102 стран тщетно пытаются превратить в единую «еврейскую нацию»?

Стала ли менее острой угроза войны на Ближнем Востоке? Нет, захватническая политика и террористическая практика сионистских правителей Израиля все более обостряют такую угрозу. Это вынужден был признать даже матерый сионист Наум Гольдман, в недавнем прошлом многолетний президент Всемирного еврейского конгресса. А то, что сионистские фанатики объявили Гольдмана... антисемитом, только повышает значение его нелегкого признания.

Уменьшились ли темпы роста инфляции? Нет, непрерывно растут и достигли в 1984 году мирового рекорда!

Увеличилось ли число возвращавшихся в страну йордим? Нет, застряло на нуле, хотя перечень рекламируемых льгот для вернувшихся беглецов намного превышает кучевые льготки, формально предоставленные олим. Хотя сионистские организации вне Израиля, не стесняясь способах, выживают «израильских антипатриотов» из стран, куда они бежали. Хотя международный сионизм предает анафеме тех, кто забыл, что их место в Ливане, в действующих частях израильской армии. Хотя израильская пропаганда назойливо предостерегает: и думать не думайте о выезде из Израиля, вы попадете в обстановку страшного антисемитизма! Особенно отрицательно оценивает израильская печать положение евреев в США, именует их белыми неграми.

Стабилизировалось ли положение олим, еще не покинувших Израиль? Нет, появляются новые грозные признаки дестабилизации, растет грызня между так называемыми землячествами. К примеру, заправили многих землячества бывших советских граждан поспешили согласиться с чиновниками из министерства абсорбции, что олим с Северного Кавказа еще не доросли до уровня полноценных израильтян.

Сглаживаются ли расовые противоречия между различными «этническими» группами израильтян-старожилов? Нет, заметно обостряются. За последнее время сотни «третьесортных» темнокожих евреев обратились в международный Красный Крест с просьбой объявить их своими подопечными и переселить в страны Африки и Азии.

¹ Товарищ Вильнер отметил, что за семь лет власти блока «Ликуд» цены возросли на 10 000 процентов, то есть в сто раз! В 1984 году инфляция предвидится в 400 процентов.

Снизилось ли число молодых людей, категорически отказывающихся от прохождения военной службы на оккупированных территориях? Нет, повысилось. Даже некоторые кадровые военнослужащие, подобно перенесшему 180-часовое пребывание в карцере и приговоренному к трехлетнему тюремному заключению солдату Альгази, предпочитают самый суровый приговор военного трибунала — участие в террористических расправах с палестинцами.

Улучшилось ли тяжелое положение израильской бедноты? Нет, ухудшилось. Это неопровергнуто подтверждает появление новых кварталов нищеты, где живут отверженные израильского общества.

Я мог бы беспредельно расширить перечень подобных вопросов и на основе фактов дать на них правдивые ответы, убедительно доказывающие неминуемую обреченность всех сионистских планов.

ЗА ГРАНЬЮ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Мне на глаза попались несколько номеров издающегося в Иерусалиме журнала «Израиль сегодня». Это издание заполнено преимущественно перепечатками «самого актуального» из наиболее реакционных и влиятельных сионистских газет.

Перелистывая сию печатную продукцию, я в одном из номеров наткнулся на публикацию Менахема Бегина под интригующим заголовком «Альтернативы войны» — отрывки из речи перед курсантами военного училища. Произнес ее Бегин 8 августа 1982 года, накануне пирровой победы израильских полчищ в Ливане. Премьер-террорист доказывал будущим израильским офицерам, что ливанская война — это «тенденция жизни». Ни больше ни меньше!

В другом номере я обратил внимание на заголовок «Рекорд Рафуля». Статья, вышедшая, кстати, из недр «пресс-сервиса Всемирной сионистской организации», восхваляет «честного и бесхитростного солдата» Рафаэля Эйтана, начальника генерального штаба израильской армии. Он, убийца пленных, заслуженно побил рекорд длительности пребывания на столь высоком посту².

Я отложил журнал и собрался было продолжить работу. Но этому помешала внезапно вспыхнувшая, пока еще неясная догадка: а ведь я когда-то где-то уже читал нечто подобное. Память отчетливо подсказала: надо обратиться к материалам Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками!

Так я и сделал.

И убедился: нет, не случайно все вычитанное в иерусалимском журнальчике четко ассоциируется в сознании читателя с показаниями подсудимых на Нюрнбергском процессе!

Не хочется засорять заключительные страницы книги сличением грязных цитат из «додов» гитлеровских подручных с не более чистыми материалами сионистской прессы. Суть-то ведь не в текстуальном совпадении, а в самом духе и направлении высказываний главарей нацизма и лидеров сионизма. Дух один. Направление одно. И кичливые сентенции сионистских лидеров о разбойничьей войне против Ливана воспринимаются без всякой, поверите, предвзятости, как вариации увертливых показаний фашистских военачальников Кейтеля и Йодля, пытавшихся на суде «облагородить» цели гитлеровских захватнических войн. И без малейшей нарочитости в сознании читателей израильской прессы сплавляются воедино заявления Эйтана о тотальном истреблении палестинцев как об единственном способе решения палестинской проблемы, с людоедскими взглядаами нацистского «идеолога» антисемитизма Штрайхера, инициатора еврейских погромов в фашистском

² Правда, сионистскому кабинету министров все-таки пришлось в конце концов убрать реформсмена Эйтана — никак уж нельзя было скрыть его прямую причастность к преступлениям в лагерях Сабра и Шатила. Да и суперястреб Аренс разглядел в новом начальнике генерального штаба Моше Леви еще больше патологической ненависти к арабам, нежели в беспощадном Рафуле.

рейхе. И слышатся геринговские нотки в лицемерных заверениях Шамира о полнейшей (!) непричастности сионистской верхушки Израиля к геноциду.

Какую грань античеловечности и вандализма сегодня пересек сионизм, если первые же попавшиеся, вполне, можно сказать, привычные откровения его лидеров и похвалы по его адресу обоснованно ассоциируются с показаниями гитлеровских сподвижников, пытавшихся на скамье подсудимых оправдать свою злодеяния!

Не раз говорилось о том, сколь схожи многие взгляды и действия сионистских заправил семидесятых — восьмидесятых годов с тем, что исповедовали и творили нацистские правители тридцатых — сороковых. Обязан, однако, подчеркнуть еще одно убийственное для сионизма полнейшее совпадение идеологии и практики его сегодняшних лидеров с проповедями и, главное, преступными делами нацистских бонз. Этую преступную тождественность воочию видишь, когда обращаешься к документам Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками. В показаниях Международному трибуналу они с тупым упорством пытались представить своим сообщником... весь немецкий народ. Словно не было пламенного Эрнста Тельмана и его непоколебимых соратников. Словно в самые беспросветные дни гитлеровского владычества не действовали смелые борцы антифашистского подполья. Словно сотни тысяч честных граждан Германии не стали жертвами гестаповских расправ.

Не случайно, стало быть, сионистские правители, а с ними и лидеры международного сионизма позаимствовали у нацистских идеологов и этот лживый прием: они силятся изобразить себя идеальным рупором абсолютно всех евреев и в Израиле и вне его. Всякого рода шамандры и аренсы тщатся доказать, что сионист и еврей — понятия идентичные, что военные преступления сионизма и вообще всю его античеловечную практику и бездуховную идеологию одобряет все еврейство в целом и каждый еврей в отдельности. Не рассчитывают ли вдохновители палачей Сабры и Шатила, погромщиков Айн аль-Хильвы на то, что подобная демагогия поможет им оправдаться перед неминуемым судом народов!

Нет, с первых же дней зарождения сионизма образовалась глубокая пропасть между ним и широкими массами трудящихся евреев. И особенно углубляет эту пропасть каждый новый варварский шаг сионистских правителей Израиля и международного сионизма по пути агрессии и расизма. Люди еврейского происхождения на всех континентах негодующие осуждают кровавые преступления израильской военщины в Ливане и оккупированных арабских землях. В самом Израиле, несмотря на диктаторские приемы сионистских заправил, несмотря на нажим заокеанских хозяев, все больше граждан достойным образом оценивают грязную войну в Ливане и требуют от израильского правительства положить ей конец. «Массы выступили на борьбу против нее, чего не было никогда раньше. Наша партия на этот раз не была одинока», — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля Меир Вильнер.

Различные общественные круги организовали «Комитет против войны в Ливане». Активнее стало действовать движение «Мир — сегодня». Разумеется, поднял свой гневный голос Демократический фронт за мир и равноправие. И налицо примеры того, как стремительно растет число израильтян, протестующих против захватнической политики правительства, против ведущейся при прямой поддержке США и международного сионизма захватнической войны.

20 тысяч израильтян вышли на первую масштабную демонстрацию протеста против ливанской войны;

100 тысяч человек приняли участие во второй бурной антивоенной демонстрации в Тель-Авиве;

400 тысяч граждан Израиля (более четверти взрослого населения страны!) вышли на улицы в рядах участников демонстрации против резни в лагерях Сабра и Шатила.

А как же повели себя так называемые пар-

Уроки милосердия

Пожалуй, никто не получает столько писем, как известные врачи. В этих торопливо написанных разными почерками листках все: и надежда на излечение, и грустная повесть о страданиях, причиняемых болезнью, и вера в могущество медицины, и мольба о помощи, и слова безмерной благодарности.

Но, оказывается, врачи, вернувшие жизнь и здоровье сотням, тысячам людей, получают и другие письма — полные желчи, злобы, даже зависти. После них хочется вымыть руки...

Именно одно такое письмо и заставило известного советского медика академика Евгения Ивановича Чазова, несмотря на его огромную занятость, взяться за перо.

Записки академика Чазова — раздумья врача и ученого о нравственном долге служителя медицины, о том, как труден путь к открытию, о суровых буднях, ведущих к «прекрасной цели» — излечению.

Память возвращает ученого в прошлое, когда только начали создаваться те методы лечения и диагностики сердечно-сосудистых заболеваний, которые сегодня стали обычными в медицинской практике. Это было четверть века назад... Если бы автор того оскорбительного письма, о котором уже упоминалось, был тогда рядом с врачами! «Как бы он чувствовал себя», — пишет Чазов, — если бы знал, что из десяти больных, доставленных с инфарктом миокарда, к утру четверо погибают. А каково смотреть в полные страдания и мольбы глаза и сознавать, что ты бессилен и человек, который просит: «Доктор, помогите!» — обречен. Какой мерой можно измерить ответственность, милосердие и страдание врача, рядом с которым — смерть!

...И сегодня, когда я устаю, когда хочется все бросить и жить

Е. Чазов. Прекрасная цель. «Знамя», №№ 2, 3, 1984.

спокойной, размеренной академической жизнью, я вспоминаю однокие худенькие фигурки мальчика лет четырнадцати и девочки лет двенадцати в большом зале нашего приемного покоя. Дети пришли узнать о здоровье матери. Когда я вышел и спросил: «Кто родственники больной?» — мальчик, на правах главы семейства, подобравшись, с мужским достоинством ответил: «Мы родственники». Я не знал, что сказать. Замешкавшись, спросил: «Может быть, есть взрослые?» Мальчик посмотрел на меня и растерянно ответил: «Нет, мы одни и мама». Но я-то знал, что мамы у него уже нет».

Слезы подступают к горлу, когда читаешь такие места в записках Чазова, где автор говорит о бессилии (пока бессилии!) врачей помочь больному.

Вот он стоит у постели своей умирающей матери, тоже врача, воспитавшей в нем любовь к самой нужной людям профессии. У нее тромбоз легочной артерии, заболевание, исследование которого Евгений Иванович отдал двадцать лет жизни. Он уже профессор, академик. «На экране осциллоскопа, регистрировавшего сердечную деятельность, я увидел прямую линию. Сердце уже не работало, но никто из моих соотрудников не решался выключить аппаратуру. Я, как и они, понимал, что все кончено. Но попробуй перешагни этот психологический барьера, отключи аппаратуру, которая поддерживает видимость жизни. Не дай бог кому-нибудь пережить такое!»

Через восемь лет группа Чазова получила препараты для лечения острых тромбозов, полностью лишенные побочных свойств. Ах, если бы раньше! И одно дело, если еще нет, не изобретено, не придумано средств против болезни, а другое — если они уже созданы напряжением воли и ума ученого, но не внедряются, лежат в столах у иных бюрократов из

министерств и управлений. Автор говорит о подобных случаях с болью и возмущением.

Дорога к созданию нового лекарства, нового метода лечения терниста. И кто, как не сам ученик, сам врач, может показать этот путь во всей сложности, вскрыть достоинства нового метода, увлекательно рассказать о его рождении. С огромным интересом читается рассказ о создании активного метода лечения инфаркта миокарда, атеросклероза. Автор всесторонне анализирует проблему степени риска в медицине.

Однако записи академика Чазова не относятся только к жанру научно-популярного очерка. Это и раздумья о нравственном долге ученого, врача, наконец, журналиста, писателя, затрагивающих в своем творчестве вопросы медицины.

«Не повреди» — основная заповедь врача должна оставаться связной для всех. К самым тяжелым последствиям приводят ее забывание. Можно вспомнить модного в Европе в конце XVIII века врача-шарлатана Месмера, «магнитный бум», экстрасенсов. Один японский бизнесмен был удивлен популярностью в нашей стране в 60-х годах магнитных браслетов и даже поинтересовался у автора записок, не обладают ли они действительно лечебным действием. Дело в том, что в Японии версия об их целебных свойствах была разоблачена специалистами и реклама их запрещена законом.

Кто теперь носит магнитные браслеты? Но на смену им пришли эликсиры лечителей. Академик Чазов вспоминает о популярном еще недавно сочинском жителю С. Е. Чернышове, откровенном журналисте, губившем, по существу, людей, поверивших ему и отказавшимся по его совету лечиться у врачей-профессионалов. А ведь им можно было помочь, обратиться они к «официальной» медицине раньше. Ученый приводит письмо

матери девятнадцатилетней девушки Светланы: «Чернышов настаивал на том, чтобы мы забрали Светлану из урологической клиники... Мы так и сделали, хотя врачи возмущались нашим поведением. После этого Чернышов продал нам один флакон эликсира и инструкции к нему за сто рублей и подарки. Мы целый месяц давали его дочери, пока ей не стало совсем худо. Тогда мы со слезами попросились в клинику, но было уже поздно».

Некоторые журналисты, к сожалению, не хотят знать, какой вред больным людям может принести информация о таких «врачевателях», и с увлечением пишут о них как о своеобразной сенсации. А потом стыдливо молчат, когда их «герой» попадает на скамью подсудимых, как случилось с Чернышовым... «Вот цена рекламы невежеству», — гневно говорит академик Чазов.

Совсем другую тональность обретают записи ученого, когда он вспоминает о своих учителях в науке, коллегах. Но особенной теплотой проникнуты строки о тех людях, кого выпало лечить ученому. Среди них и молодой слесарь, тот, кого первым вывела группа Чазова из состояния клинической смерти (автор встретил его через двадцать лет в Кремлевском Дворце съездов); и знаменитый нейрохирург, академик, кому более ста раз с помощью дефибриллятора восстанавливали врачи работу сердца, после чего тот активно работал, оперировал; и замечательный ученый Мстислав Всеволодович Келдыш; и египетский президент Гамаль Абдель Насер, личившийся в СССР.

Гордостью за советскую медицину проникнуты записи академика Чазова — ученого, эпиграфом к работе которого можно поставить слова Андрэ Моруа: «Милосердие не является непременным украшением физика или химика. Но оно обязательно для врача».

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ламентские противники Бегина из других сионистских партий — ведь на выборах они с пеной у рта критиковали возглавляемый им блок «ликуда»?

На этот вопрос дает исчерпывающий ответ товарищ Вильнер:

«8 июня 1982 года, сразу же после начала агрессии, фракция Демократического фронта за мир и равноправие, в центре которого стоит КПИ, внесла в кнессет предложение о ветове недоверия правительству. За это предложение проголосовали только члены нашей фракции — четыре депутата. Остальные, в том числе депутаты от главной «оппозиционной» партии труда, проголосовали за войну».

Да, все без исключения сионисты проголосовали за войну.

Любое милитаристское правительство Израиля — это исполнитель воли сионизма. И не случайно все без исключения сионистские блоки, партии, группировки и группы оголте-

ло ополчились против предложений Советского Союза от 30 июля 1984 года по ближневосточному урегулированию. В то время как честные люди всего мира видят в советских предложениях реальный, прочный, справедливый путь к всеобъемлющему урегулированию, сионисты, как и их виноградные хозяева, истерично волят о невозможности соблюсти принцип недопустимости захвата арабских земель путем агрессии. Закоренелые агрессоры и захватчики из Тель-Авива и Вашингтона ни за что не желают исходить из трезвого учета законных прав и интересов всех народов Ближнего Востока. Фарисейской болтовней о своих «мирных намерениях» они снова и снова пытаются обогнать существо предложений Советского Союза.

В том, что современный сионизм лжет на каждом шагу, меня еще и еще раз убедили елейные и лицемерные высказывания некоторых известных его деятелей, с которыми мне довелось за рубежом беседовать — та-

ких, как редактор трех сионистских изданий в Италии Луччiano Тас, главный раввин Великобритании, Австралии и Новой Зеландии Иммануэль Яковович, председатель еврейской общины Западного Берлина Хайнц Галински, главный редактор старейшей сионистской газеты «Джуиш кроникл» Готфрид Полл. Естественно, они говорили со мной достаточно сдержанно, не раскрывая во всей неприглядной полноте коренных практических задач сионистского движения и, главное, неразборчивых методов осуществления этих задач. И тем не менее, слушая их, я с новой силой убедился: коварен сионизм, беспощаден, злобен. Он считает своим противником каждого, кому по сердцу прогресс, демократия, мир. Но трижды враждебен он любому труженику, мечтающему о мире и подлинном прогрессе, еврею, повторяю, любому — и моему советскому соотечественнику и проживающему на Западе в вольготной для антисемитизма атмосфере.

Д. Налбандян. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1961.

Д. Налбандян. ПАРИЖ. УЛИЦА ПОСЛЕ ДОЖДЯ. 1979.

5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

ИЗ ЖИЗНИ КАПИТАНА КУЗЬМИЧЕВОЙ

Любовь ЮНИНА

День был мартовский, солнечный, хотя зима еще сопротивлялась и градусник по ночам показывал восемнадцать, а то и двадцать ниже нуля.

Ефросинья Викентьевна освободилась лишь около восьми, когда на улице уже стемнело. Она позвонила домой, и муж Аркадий доложил, что все в порядке. Вику он из детского сада забрал, ужин, который Ефросинья Викентьевна им оставила, они съели, и сейчас он moet посуду, а Викентий намеревается смотреть по телевизору передачу «Спокойной ночи, малыши».

Аркадий не стал спрашивать жену, когда она вернется домой, по опыту зная, что если она звонит в эту пору, значит, скоро ждёт ее не стоит. Если уж он женился на женщине, которая занимается не женским делом, а работает следователем, то тут «или — или»: или терпи, или ищи другую спутницу жизни. Аркадий встал на путь терпения и, сообщив жене обстановку в доме, стоял теперь молча, держа в одной руке телефонную трубку, в другой мокрую тарелку, которую он не успел поставить на сушку.

— Работать я кончила,—сказала Ефросинья Викентьевна,—но хочу зайти к Нюре. Тетка купила ей туфли, но они Нюре велики, и она хочет, чтобы я примерила.

— Мы подождем,—кратко сказал Аркадий.—Вику я уложу. Целую.

Ефросинья Викентьевна обратного поцелуя ему не послала, а сказала свое обычное «пока» и положила трубку. Она не признавала эти сентиментальности по телефону, которыми в последнее время стало модным обмениваться даже между малознакомыми людьми.

Ефросинья Викентьевна проверила, заперты ли все ящики и сейф, положила в сумку ручку и записную книжку, которую выкладывала на стол, начиная рабочий день, и достала из шкафа серое суконное пальто с серым каракулевым воротником. Ефросинья Викентьевна носила весьма скромные туалеты, подбирая их так, чтобы они соответствовали занимаемой ею должности. Она, например, считала совершенно невозможным для себя завести пальто со щегольской чернобуркой, столь модной в нынешнем сезоне, потому что видела какое-то несоответствие в том, что дама в чернобурке приходит допрашивать углавовника. Наверное, она заблуждалась. Ведь еще Пушкин говорил: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Но в этом Ефросинья Викентьевна не была согласна с великим поэтом. Она была глубоко убеждена, что форма определяет содержание.

...Дверь Ефросинье Викентьевне открыла тетя Тома в новой черной крепдешиновой блузке, у ворота которой была приколота большая светло-розовая камея.

— Здравствуйте, тетя Тома,—сказала Ефросинья Викентьевна,—на вас новая кофта. Где вы купили крепдешин? Она выглядит совершенно старинной.

— Стиль «ретро»,—с достоинством ответила тетя Тома,—не в пример тебе, я слежу за

модой. А где взяла крепдешин — не скажу. Еще посадишь.

— Бог с вами, тетя Тома, что вы говорите.

— Ладно тебе... Есть хочешь? У нас картошка сегодня.

— Кто жарил? — автоматически спросила Ефросинья Викентьевна, обувая тапочки.

— Кто жарил, кто жарил... Элеонора с тех пор, как вышла замуж, стала прекрасно готовить.

— Вы это говорили и тогда, когда она варила в одной кастрюле борщ с лапшой.

— Какая же ты зануда, Ефросинья Викентьевна,—в сердцах сказала тетя Тома.—В тебе совершенно нет никакого воображения.

Они вошли в кухню, просторную, с высоким, потолком.

— Сама-то где? — спросила Ефросинья Викентьевна. После того, как любимая подруга вышла замуж, она за глаза стала звать ее «сама», как бы подчеркивая этим, что ступенька жизненной лестницы, на которой та стоит ныне, другая. Впрочем, Ефросинья Викентьевна не была уверена, что ступенька, где стоит «сама», выше той, где стояла просто Нюрка.

— Сама пошла за хлебом,—сказала тетя Тома, перекладывая с противня на тарелку румяную картошку.—А Константин навещает отца... Хлеба нет, но ты ведь вечно на диете. А Нюрке пора родить.

— Как пора? — Ефросинья Викентьевна положила обратно на стол вилку, которую было взята.—Она не говорила мне, что ждет ребенка.

— Да никого она не ждет. Я в смысле возраста. В прежние времена считали бы старухой, а она только год как замуж вышла. Хотя как расти? Нянью не найдешь. Я вообще боюсь их, этих младенцев. Ну, да, наверно, придется кафедру побоку, и доктор математических наук, завкафедрой Тамара Леонидовна Ланская на склоне лет будет, как репортер, менять профессию. Мир не без добрых людей, кто-нибудь научит младенца пеленать.

Ефросинья Викентьевна тихо посмеивалась, слушая тетю Тому. Та ходила по комнате, высокая, в кофте старинного покроя, в стариинном пенсне, которое, как она говорит, носил еще ее отец, также профессор математики, и сопровождала свою речь трагической жестикуляцией. Тетя Тома любила устраивать такие спектакли. Неожиданно она остановилась посреди кухни.

— Да, так о чем мы говорили? О картошке. Вкусно?

— Необыкновенно. Как вы готовили?

— Я же сказала тебе, что Нюрка жарила. В это время в передней хлопнула дверь, и в кухню прямо в шубе, сапогах и шапке влетела Нюрка.

— Ой, кто пришел! — заверещала она.

Она шлепнула авоську с хлебом на стол прямо перед Ефросиньей Викентьевной, чмокнула подругу в щеку, чмокнула тетю Тому и убежала раздеваться. Через минуту она появилась в наимоднейшем платье, шея была обернута косынкой ослепительно оранже-

вого цвета, и вся она была так хороша и изящна, словно ее только что вынули из витрины модного парижского магазина.

Нюрка плюхнулась на стул напротив Ефросиньи Викентьевны, достала из авоськи батон, отломила кусок и стала жевать.

— Устала. Целый день моталась по Москве, выбивала снаряжение для летней экспедиции. Тетя Тома, дай картошечки, поухаживай за племянницей, ты сегодня своей кафедрой целый день руководила дома.

Тетя Тома поправила пенсне и сказала поучительно:

— Старость надо уважать. Я работала с аспирантом. У нас на кафедре лопнула батарея, и там холодно. Вот тебе картошка. Ешь, а я пойду принесу туфли.

— Тетя Тома, я никогда не подозревала, что вы ходите в обувные магазины,—заметила Ефросинья Викентьевна.

— Мало ли что ты не подозревала,—сказала тетка и удалилась.

— Потрясающая картошка,—заметила Ефросинья Викентьевна,—положу еще.

Пришла тетя Тома и принесла пару элегантных белых сабо, как и предполагала Ефросинья Викентьевна, на высоченных каблуках.

— Ты с ума, Нюрка, сошла,—сердито сказала Ефросинья Викентьевна,—что подумают мои подследственные, когда увидят на мне такую обувь?

— Они подумают, что ты суфражистка,—спокойно заметила тетя Тома.

— Кто-кто? — звонким голосом сказала Нюрка.—Ой, тетка, а что это значит?

— Понятия не имею. Я где-то прочла недавно это слово, мне показалось, что оно означает что-то прогрессивное.

Нюрка захохотала. Ефросинья Викентьевна улыбнулась тоже. Она держала в руках почти невесомые туфельки и разглядывала их.

— Ну померяй же,—нетерпеливо попросила Нюра.—Необязательно тебе ходить в них на работу.

Ефросинья Викентьевна поставила на пол туфлю и попыталась всунуть в нее ногу. Нога не входила. Что-то заподозрив, она взяла туфлю и сказала Нюрке:

— Ну-ка, обуй.

— Тетя Тома,—обреченно заметила Нюра,—ты принесла не ту пару.

— В самом деле? А ты не впутывай меня в свои махинации.

— Все ясно,—смеясь, сказала Ефросинья Викентьевна.—Любимая подруга, ты решила меня пододеть?

— Решила. Ты знаешь, целый час стояла. Ну, думаю, обману подругу... Ой, не сердись, я же не из-под прилавка покупала, честно стояла. Сейчас принесу твою пару.

Когда Ефросинья Викентьевна померила туфли, прошлась в них и почувствовала, как легка и приятна стала походка, увидела в зеркале, как хорош ее рост, женщина в ее душе стала побеждать следователя, и она чуть было не изменила своим принципам. Но в последнюю минуту она взяла себя в руки.

— Нет, Нюра, не соблазняй меня. У меня

мужская профессия, и все соответствующие отсюда выводы.

— У меня тоже мужская профессия,— закричала Нюрка,— я по горам лазаю, камень долблю, рюкзаки по два пуда таскаю, в палатке месяцами живу.

— Нет, Нюра, это все физические стороны дела. Ты геолог. А у меня нравственная сторона. Мой внешний вид не должен вызывать эмоции. Я должна быть внешне совершенно никакой.

— Чушь,— сказала тетя Тома.— Я женщина в годах, профессор математики и то придерживаюсь моды. Видишь, сшила блузку в стиле «ретро».

Тут они все трое стали хохотать, потом еще немного поспорили, но каждая так и осталась при своем мнении.

— Что ты сейчас расследуешь? — спросила тетя Тома, которая питала страсть к детективной литературе и поэтому довольно почтительно относилась к профессии Ефросиньи Викентьевны, чего нельзя было сказать о ее отношении к профессии племянницы.

— Странное какое-то дело... Впрочем, оно только начинается,— ответила Ефросинья Викентьевна.

Когда Ефросинья Викентьевна стала собираться домой, шел двенадцатый час, и она позвонила мужу, попросив его встретить ее у троллейбусной остановки. Хоть и была она следователем, человеком мужественной профессии, ноходить по темному, глухому переулку в позднее время немножко трусила. Правда, она никому об этом не говорила, считалось, что Аркадий ее встречает, чтобы вместе совершил прогулку перед сном.

События, в которых предстояло разобраться капитану милиции Ефросинье Викентьевне, были таковы. 17 марта к пенсионерке Варваре Ивановне Пузыревой приехал из Архангельска друг семьи инженер Варфоломеев Николай Николаевич. Он остался ночевать, но когда Варвара Ивановна утром стала его будить, Варфоломеев оказался мертв. Пузырева вызвала «Скорую помощь». Внешних признаков насилийной смерти не было. Экспертиза же показала, что умер Варфоломеев от паралича сердца, вызванного отравлением.

— Не исключено, что его отравили умышленно,— сказал Ефросинья Викентьевна полковник.

— Зачем? — спросила Ефросинья Викентьевна.— В собственном доме отравить гостя? Слишком в духе Медичей. Несколько несовременно.

— Так-то оно так. Прокурор дал санкцию на обыск. Поезжай сразу. Кого возьмешь?

— Валю, то есть лейтенанта Петрова.

— Возьми и Голобородько, у него глаз острый.

Квартира, где случилось несчастье, находилась в старом трехэтажном доме. Ефросинья Викентьевна позвонила, и дверь отворилась сразу, словно их ждали. На пороге стояла синяя седая старуха в штапельном синем платье и вязаной кофте.

— Здравствуйте,— сказала Ефросинья Викентьевна.— Вы Варвара Ивановна Пузырева? Старуха кивнула.

— Мы из милиции.

Пузырева, испуганно перекрестившись, привалилась спиной к стенке.

— Господи, спаси,— пробормотала она.— Такая беда, он мне за сына родного был.

Ефросинья Викентьевна, Петров и Голобородько с двумя женщинами из соседнего подъезда, приглашенными в качестве понятых, вошли в переднюю и стали раздеваться.

Квартиру Пузыревых, наверное, много раз перестраивали, пытались сделать ее более просторной, но в результате она получилась вся какая-то кривая. Сейчас здесь были три маленькие комнаты, выгороженные, по-видимому, из одной большой. Средняя комната была проходная, нечто между столовой и гостиной. Две двери из нее вели в спальни. В одной жила Варвара Ивановна, в другой — внучка Ольга Леонидовна, а в проходной стоял диван, на котором спал сын Ольги Виктор.

В квартире тесно стояла мебель, столь старая, что ее можно было уже назвать ста-

ринной, но было очень чисто и уютно, хотя и не богато.

В своей работе Ефросинья Викентьевна больше всего не любила процедуру обыска и, хотя понимала, что он дает иногда весьма ценные доказательства, проводила его хоть и тщательно, но с хорошо скрываемым отвращением. В шкафу она наткнулась на белые туфельки, точно такие, какие вчера мерила у Нюры, и спросила:

— Это чьи туфли?

— Олины,— торопливо подсказала Варвара Ивановна.— Олины. Позавчера она купила. Тридцать два рубля отдала.

— Где вы храните лекарства? — снова спросила Ефросинья Викентьевна.

Варвара Ивановна суетливо полезла в буфет, достала оттуда железнную коробку из-под индийского печенья, красиво разрисованную, и поставила на стол.

— Вот здесь все,— сказала она.

Ефросинья открыла коробку и стала выкладывать на стол пакетики и пузырьки: аспирин, но-шпа, раунатин, папаверин, аллохол, анальгин — обычный набор в доме, где живут люди с повышенным давлением и нездоровой печенью.

— Что еще у вас есть? Какие-нибудь настойки, травы?

— Нет, нет, больше ничего... Все, что есть, в этой коробке. Был у меня шиповник, да еще под новый год кончился. Оля, внучка, насобирала.

В дверь позвонили. Валя Петров пошел открывать и вернулся с высокой, крупной женщиной. Ефросинья Викентьевна догадалась, что это Ольга, внучка Варвары Ивановны. Она была не очень хороша собой, но лицо ее было тщательно ухожено. Впрочем, немудрено, ведь Ольга работала косметичкой. Ефросинья Викентьевна позавидовала атласной гладкости ее кожи и, украдкой глянув на себя в трюмо, огорчилась. Но неходить же ей, капитану милиции Кузьмичевой, в косметический кабинет...

— Что происходит? — растерянно спросила Ольга.— Что происходит?

— Не волнуйтесь,— сухо сказала Ефросинья Викентьевна.— Это в связи со смертью Варфоломеева.

— Я не понимаю... У нас случилось горе...

В этот момент из комнаты Варвары Ивановны вышел Голобородько, держа в руках железную коробку с облупившейся краской.

— Я нашел это в шкафу. Кому принадлежит эта коробка?

Варвара Ивановна побелела, Ольга смотрела на коробку удивленно, словно видела ее впервые. Но обе не проронили ни слова.

Голобородько поставил коробку на стол и открыл крышку. Там лежали какие-то маленькие свертки в пожелтевшей папиросной бумаге. Ефросинья Викентьевна взяла один из них, развернула и зажмурилась. На ладони ее лежала брошь, сделанная из полудюжины бриллиантов, каждый из которых был размечом с небольшой горошиной.

— Это ваше, Варвара Ивановна? — изумленно спросила Ефросинья Викентьевна. Она никак не могла прийти в себя от удивления.

Та судорожно кивнула.

— Бабушка,— шепотом сказала Ольга Леонидовна,— откуда это?

Ефросинья Викентьевна бросила на нее быстрый взгляд.

— Вы что, этого никогда не видели?

Ольга Леонидовна быстро-быстро замотала головой.

— Нет, нет. Это не наше.

— Откуда они у вас, Варвара Ивановна? — снова спросила Ефросинья Викентьевна.

— Мне их дали на хранение.

— Интересно... Кто же? Варфоломеев?

— Господь с вами. Нашли и забираете.

— Это чужое,— сказала Ольга Леонидовна.— Где вы нашли?

— В шкафу двойное дно,— ответил Голобородько.

— Анатолий Иванович,— обратилась Ефросинья Викентьевна к Голобородько,— составьте акт.

Первой Ефросинью Викентьевну допрашивала старуха Пузыреву. Несмотря на свой преклонный возраст, выглядела Пузырева до-

вольно крепкой и, как ни странно, почти не волновалась. Или это Ефросинье Викентьевне так казалось. Сама она очень волновалась, что бывало с ней, прямо скажем, нечасто. Она даже таблетку валерьянки приняла перед допросом, уж очень озадачили ее эти бриллианты.

— Итак, Варвара Ивановна,— сказала Ефросинья Викентьевна,— начнем сначала. Откуда вы знаете Варфоломеева, кем он вам приходит?

— Значит, так.— Пузырева уселись поудобнее, сложила на коленях руки и стала разглядывать носовой платок.— Сын мой, Леня, ушел в сорок первом на фронт, он уже женатый был. С Колей Варфоломеевым они вместе воевали. Леню на войне убили, а Коля-то потом нас и нашел. У него своей матери не было, он меня вроде как мать и почитал. Как в Москву в командировку приедет, так к нам. Сам он в Архангельске живет. И к Ольге он очень привязался, как к дочке, у него самого нету. Да и жены нету. Развелся он, да так и не женился. В общем, за родного он нам был.

— Материально он вам помогал, или вы не нуждались?

— Нет, не помогал. Богато мы не жили, но и нуждаться не нуждались. Оля зарабатывает хорошо, она косметичка.

— А где ее мать?

— Замуж вышла. Давно еще, сразу после войны. И уехала на Дальний Восток. Я Оленьку с малолетства воспитываю.

— А муж Ольги?

Старуха потупилась.

— А мужа у нее нет. Обманул ее один подлец. Да мы решили ребеночка оставить. Я на пенсию вышла, и растим. Вот я говорила: материально Коля нам не помогал. А не так. Денег он не давал, да я бы и не взяла. А подарки всегда привозил, и я не отказывалась, знала, от чистого сердца. Когда ботинки Витьке купят, когда Оле духи подарят, мне отрез на платье. Хороший человек был, царство ему небесное.— И Варвара Ивановна перекрестилась.

— В котором часу он приехал к вам?

— Часов в пять. Мы с ним поели, поговорили, телевизор посмотрели.

— Он поездом приехал или самолетом?

— Самолетом. Он всегда самолетом.

— Чем же вы ужинали?

— Каша гречневая у меня была, котлеточки, творожок, ну и варенье.

— Спиртным вы его не угощали?

— Не уважает он это. Да и не держим мы дома спиртного.

— А кто, кроме вас, вечером был дома?

— Никого не было. Витя еще утром сказал, что у приятеля своего Бори заночует. День рождения у него, а живет он в Беляеве, далеко ехать. А Ольга две смены в тот день работала, в одиннадцать часов пришла. Мы уже спали.

Варвара Ивановна смолкла. Ефросинью Викентьевну тоже молчала, потому что думала не столько о том, что говорила ей старуха, а пыталась понять причину преступления. Бриллианты? Но если бриллианты принадлежали Пузыревой, то при чем тут Варфоломеев?

— Понятно,— сказала Ефросинья Викентьевна,— а как вы спали ночь?

— Как спала? — удивилась Варвара Ивановна.— Не буду бога гневить. Всю жизнь хорошо сплю. И знать не знаю, что такое беспокойства.

— Ну, а утром?

— Встаю я, правда, рано, в шесть часов. Это по привычке, с тех пор, как на фабрике работала. А теперь вот на пенсии, а все равно чуть свет просыпаюсь. Ну, утром встала, значит, чайник поставил, яичницу пожарила. Коля-то к девяти надо быть в министерстве.— Она всхлипнула.— Господи, да что же это за беда такая!

— Успокойтесь, Варвара Ивановна,— проговорила Ефросинья Викентьевна. Она верила и не верила Пузыревой. С одной стороны, трудно было представить, что эта старуха с добрым лицом — расчетливая убийца, с другой — улики против нее были.— Дать вам воды?

— Спасибо.— Варвара Ивановна вытерла платком глаза.— Значит, так. Я в комнату вошла, гляжу, он спит вроде. Я ему: «Коля, а Коля...» — И она опять расплакалась.

— Понятно,— сказала Ефросинья Викентьевна, поднялась, взяла графин, плеснула в стакан воды, вынула из сумки две таблетки валерьянки.— Выпейте, Варвара Ивановна, и успокойтесь. У нас ведь разговор серьезный.

— На работу ему надобно сообщить,— прошептала Пузырева,— а мы и адрес-то только домашний знаем.

— Об этом не беспокойтесь. Это все будет сделано. Вы мне вот что скажите, Варвара Ивановна, откуда у вас коробка с драгоценностями, действительно ли она вам принадлежит?

— А я и не знаю, драгоценности это или так, подделки. Давняя это история. И уж тут я, наверное, виноватая. Псковская я. А брат мой Макар Иванович в Москве камердинером служил у князей Разумовских. Богатые были. А меня он из деревни привез и вроде как в прислуги пристроил к Пузыревым. Вот в этой самой квартире старик Пузырев вдовцом жил и сын его. Чуть постарше меня был. В революцию-то сам Пузырев помер, а сын, Петр Петрович, на гражданской воевал, а потом мы с ним поженились. А перед самой войной муж помер.

Ефросинья Викентьевна, слушая эту историю, на листке бумаги чертила какие-то буквочки и кружочки. Это была схема, означавшая родословную семьи Пузыревых, о которой рассказывала Варвара Ивановна.

— Ну вот, Леня-то, сынок наш, с Петром в институт поступил, комсомольцем был, очень хороший парень... Перед самой войной женился. Оля родилась... Пузырева вздохнула.— Да хорошие люди не живут долго. С войны-то он и не вернулся. Ну, а невестка моя Нина в Сочи отдыхала и человека там встретила из Владивостока. Замуж собралась...

Все это вряд ли имело какое-нибудь отношение к смерти Варфоломеева и драгоценностям, но Ефросинья Викентьевна не переби-

вала. Сколько же приходилось ей выслушивать ненужной информации каждый раз на допросах, ради подчас всего одного факта.

Хотела она Олю с собой взять, да я упросила: оставь у меня пока. Обживешься там, оглядишься, тогда и думать будем, как быть. А она одного ребенка родила, другого. Я и написала ей, не трогай ты мою Олю-то с места. И меня не оставляй одну-одинешенку. Так и осталась Оля со мной.

— Она и сейчас жива, мать Ольги?

— Жива, а как же. Давно только не виделась. Лет уж десять, наверное. Далеко ведь.

— Ну, а теперь, Варвара Ивановна, вернемся все-таки к этой коробке.

— Да.— Пузырева как-то поникла.

«Все-таки эта коробочка имеет какое-то отношение к делу,— подумала Ефросинья Викентьевна,— есть здесь что-то, но что?»

— Значит, так было.— Варвара Ивановна опять принялась разглаживать на коленях платок.— Брат мой, Макар Иванович, дал мне эту коробочку на сохранение.

— Когда?— быстро спросила Ефросинья Викентьевна.

— В гражданскую это было. После революции. Я точно-то уж и запамятовала. В конце семнадцатого, а может, в начале восемнадцатого. Старик в ту пору уже помер, а Петр на войне был. Одна жила. Виделись-то мы с братом редко. У него своя жизнь, у меня— своя, Макар-то холостой был. А тут забегает он как-то. «Возьми,— говорит,— Варя, и сохрани. И спрячь подальше, чтоб никто-никто не видел. А я уезжаю». Он, помню, даже чаю не попил, торопился. Больше я его и не видела. Пропал. Князья эти его за границу забрали.

— Он сказал, что за вещи оставляет вам на хранение и чьи они?

— А я и не спросила. Он мне эту коробочку дал, она тогда в платочек была завернута. И не посмотрела сразу, что там было завернуто. Сначала за образа положила. Думала, скоро придет Макар. Потом нет и нет его— полюбопытствовала. Увидела и испугалась, ба-

рюшки мои. Время неспокойное было, а у меня золотишко чуть не на виду. Я поискала, поискала и догадалась. В шкафу такой выступ был, и крышка от старого сундука аккуратно вторым полом ложилась. Нипочем и не догадаться, что там второе дно есть. Я и спрятала туда. Так и лежала все годы.

— Но раз брат ваш пропал, разве вы не могли воспользоваться этими вещами?

— Помилуй бог, матушка. А ну как объясняться? Я человек честный. К моим рукам чужое никогда не прилипало.

— Ваш муж знал об этой коробочке?

— Словом не обмолвилась. Он бы о Макаре плохое думать стал. Он тоже чужое брать не любил.

— Кто же знал?

— А никто,— просто сказала Варвара Ивановна,— лежали и лежали. Я, по правде говоря, редко о них вспоминала. Жили мы хоть не богато, но справно, нужды не терпели. Лишнего у нас, правда, нет, но необходимое всегда имели.

— Неужели вам не хотелось, ну, если не подарить, то хотя бы дать поносить Оле какое-нибудь колечко?

Варвара Ивановна покачала головой.

— Я-то, по правде говоря, только один раз и видела, что там лежит. Это когда из-за образов в шкаф перепрятала, я уж и забыла, что там. А как бы я Петя или Оле сказала? Вот, мол, прячу столько лет чужое добро, а теперь давай попользуемся...

— Да,— задумчиво сказала Ефросинья Викентьевна.— А с Варфоломеевым не советовались по этому поводу?

— А чего с ним советоваться? Чай, у меня своя голова есть, да и не заботило меня это. По правде говоря, я так думала: помирать буду, скажу Оле, а она уж как хочет, может, детишкам-сиротам в фонд отдаст...

— Но ведь вы и сами могли это сделать.

— Сама не могла,— твердо сказала Пузырева.— Для меня это чужое. А может, у Макара наследники какие окажутся, придут, а я что скажу?

— Последний вопрос, Варвара Ивановна, как вы думаете, а где ваш брат взял эти драгоценности? Купил или,— Ефросинья Викентьевна покрутила пальцами,— может, экспроприировал?

Лицо Пузыревой сразу сделалось замкнутым. Видимо, воспоминания ее о брате были светлыми, а непонятное происхождение коробки несколько омрачало их.

— Так,— вздохнула Ефросинья Викентьевна,— посидите немного, Варвара Ивановна, отдохните, я протокол сейчас оформлю.

Яков Ильич Рынднин, ювелир, которого Ефросинья Викентьевна вызывала для оценки драгоценностей, был точен. Он пришел в назначенное время минута в минуту. Ефросинья Викентьевна чрезвычайно уважала точных людей, сама была точной, потому что только точность помогала ей не выбиваться из графика беспроблемной жизни.

Ювелир был сухонький веселый старишок с легким седым нимбом вокруг головы. Одетый в кожаный пиджак и ослепительно белую рубашку, он выглядел весьма элегантно. Ефросинье Викентьевне в своей работе уже доводилось несколько раз встречаться с ним, и эти встречи всегда доставляли ей удовольствие...

— Ну-с, милая дама,— сказал Яков Ильич, галантно поцеловав на Ефросинью Викентьевны руку,— что вы хотите мне показать?

— Нечто необыкновенное,— улыбаясь, ответила Ефросинья Викентьевна и достала из сейфа железнную коробку. Рынднин усился поудобнее в кресло, он, наверное, уже полвека давал здесь свои ювелирные консультации и чувствовал себя как дома.

— Давайте ваше необыкновенное, а то в последние годы попадается главным образом все очень и очень обыкновенное. Ювелирный ширпотреб из универмагов.

— Разве бывает ювелирный ширпотреб?— спросила Ефросинья Викентьевна, освобождая от папиросной бумаги кольца, серьги, броши.

— Ого-го! — восхликал Яков Ильич.— Не плохо.

— Настоящие?

— Еще какие! Девятнадцатый век в основном. Фамильные?

Ефросинья Викентьевна пожала плечами.

— Это я у вас хотела бы узнать.

— Очень красивые вещи... Очень...— бормотал Яков Ильич, разглядывая украшения.— Правда, жемчуг весь умер. Судя по всему, его не носили. А жемчуг, милая дама, одиночества не переносит. Ему для жизни нужно тепло человеческого тела. Впрочем, иногда жемчуг удается оживить, но этот едва ли. Самая заурядная вещь — вот это кольцо с алмазной веточкой — и то больших денег стоит, а все, я думаю, приблизительно на полмиллиона тянет.

— Как вы сказали? — Ефросинья Викентьевна даже побледнела.

— Приблизительно, я говорю, приблизительно. Кое-что здесь просто музейная редкость! Это украдено из музея?

— Нет, не думаю. Частное собрание, скорее всего.

— В таком ассортименте частных собраний становится все меньше и меньше. Значит, тайник.

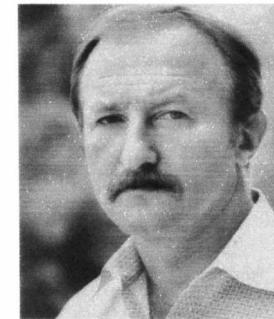
— Пожалуй,— согласилась Ефросинья Викентьевна.— Знаете, Яков Ильич, у меня впервые подобное дело... Вот были такие князья Разумовские до революции. Как вы думаете, не сохранилось ли где-нибудь в архивах, может, в историческом музее описания их фамильных драгоценностей?

— Князья Разумовские? — задумчиво переспросил Яков Ильич.— Не думаю. Для богатой аристократической семьи тут маловато, скорее, это часть драгоценностей. Но надо еще посмотреть.

У Ефросиньи Викентьевны было ощущение, что бриллиантовые украшения уводили ее куда-то в сторону от расследования дела об убийстве. А впрочем, если Пузырева лжет и драгоценности принадлежали Варфоломееву?

Продолжение следует.

Восковая справость зерна

Станислав ЗОЛОТЦЕВ

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Перевожу поэтов Ольстера,
не по заказу. Я ни разу
зеленого не видел острова,
его равнин озерноглазых
и пустоглазых зданий взорванных
в поселках, надвое разодраных,
где страх растет, как метастаза.

Что мне до жизни в том краю,
моей судьбою не согретом?..
Но боль его я узнаю
и чувствую не по газетам —
по дрожи слов пороховых,
которая прошибла стих
моих ровесников-поэтов.

Что из того, что в тишине
не дрогнут стекла в наших окнах?
Взрывной волной пришло ко мне
дыханье строк, от крови мокрых.
Чужой язык, чужая боль
моей становится судьбой.
Перо поэта — что сейсмограф.

ПЛАЧ РЕБЕНКА

Леса молчат в морозе, неживы.
В печи трещат березовые чурки.
За сотни верст я нынче
от Москвы —
и все же слышу
плач моей дочурки.

Как громко плачет девочка моя,
комочек шестимесячного солнца.
Мне кажется — уеду за моря,
но этот плач до слуха донесется.

Пока я слышу этот громкий плач,
я им казнюсь, как тяжко виною.
И мир вокруг не холоден — горяч
и беззащитен, как дитя родное.

И я живу, всех недругов моля:
не троньте дочку и ее игрушки.
...Как громко плачет девочка моя,
комочек солнца, малая Катюшка.

* * *

Где другой вдохновенно парит,
я карабкаюсь в кручах
громоздко,
и душа от ушибов горит,
как мосластое тело подростка.

Ничего мне легко не далось,
и посолена потом удача.
Но земная не сдвинется ось,
если жить я посмею иначе.

В КРАЮ МОЕМ

Там асфальт весной в метели
розовой.
Там бетон — в вишневом молоке.
Там с высоких башен видишь
озера,
вспыхнувшее вдалеке.
Из него на нерест подо льдинами
вверх плавят снеготок и уклея.
И горит в сетях и над корзинами
радостная чешуя.

Там крестьяне стали горожанами,
но под осень — сельшины следы —
там шумят широкими пожарами
яблоневые сады...

И в душе — ни горечи, ни сырости,
если это все хранит она,
и земля, где мы с тобою выросли,
словно хлеб, душе нужна.

* * *

Вот они дымят на болотах,
и в стогах стрекочут они
и густеют в бронзовых сотах —
наливные летние дни.
Под водою стебли кувшинок,
словно струи солнца, видны.
Каждый шорох слышен в лощинах
посреди ночной тишины.
Тяжелеет рожь величаво,
а вчера была зелена...
Это — жизни моей начало,
восковая спелость зерна.

Отходя от пыльного зноя,
дышил тропка в клеверном сне,
по которой еду в ночное
на рабочем крупном коне.
А в углу приречного луга,
у копны в мерцании рос
ожидает меня подруга
с непокорной копной волос.
И кричат на лугу коростели.
И глаза ее зелены.
И во всем девчоночьем теле
бродит свежесть росной копны.
Мне по кругу легче промчаться,
чем девчонку взять за плечо
и обнять ее... Мне — шестнадцать.
За душой — ни строчки еще.

Но в душе предчувствие брезжит,
словно луч в лесной глубине,
что роса низины прибрежной
и любовь к безгрешной копне
и мальчишка, в сумраке летнем
с кручи вниз летящий верхом,—
все пребудет самым последним
и, конечно, первым стихом.

Кому достанется корона?

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

Шахматный мир взбудоражен. Считанные дни остались до начала события, которого с таким интересом и нетерпением ожидают любители древней и мудрой игры во всех уголках земного шара.

10 сентября в Москве в Колонном зале Дома союзов за шахматный столик сядут Анатолий Карпов и Гарри Каспаров — чемпион и претендент, — и грянет грандиозное сражение за высший шахматный титул.

Это будет 31-й подобный поединок. Значение таких состязаний выдающихся гроссмейстеров своего времени трудно переоценить — каждое становилось вехой в развитии шахматного искусства. Но даже на этом уровне предстоящее единоборство занимает особое место. Пожалуй, с 1927 года, со временем, когда в Буэнос-Айресе в битве за титул чемпиона столкнулись два гиганта — Александр Алехин и Хосе Рауль Капабланка, — не было шахматного события, вызывавшего столь широкий международный интерес.

Драматургическая острота творческого конфликта достигает вершины накала только тогда, когда противоборствующие стороны одинаково сильны и находятся в счастливом состоянии вдохновения и подъема. А это в истории шахмат выпадало нечасто.

На этот раз молодой чемпион мира Анатолий Карпов и юный претендент Гарри Каспаров пришли к поединку не только на вершине всеобщего признания, но и с огромным запасом творческих сил и нераскрытых граней таланта, которые таят и непредсказуемые откровения и новые взлеты достижений.

Чтобы проникнуться исключительностью предстоящего события в полной мере, совершим небольшой экскурс в прошлое.

Это может показаться неправдоподобным, но многовековая история шахмат насчитывает всего двенадцать имен чемпионов мира. Двенадцать среди несметного, мультимилионного числа приверженцев удивительного шахматного искусства во все времена и у всех народов! Но самому титлу нет еще и ста лет. Впервые он официально был учрежден в 1886 году и присвоен великому немецкому шахматисту Вильгельму Стейницу после его победы над прославленным И. Цукертортом в матче из двадцати партий.

Конечно, и до В. Стейница были известны имена шахматистов, пре-

восходивших своих современников. Педантические историки даже указывают дату первого матча международного значения, состоявшегося еще в 1560 году в Риме между знаменитым испанцем Рио Лопесом и итальянцем Дж. Леонардо. А слава таких выдающихся шахматных виртуозов XVIII—XIX столетий, как Андрэ Даникан Филидор, Пол Морфи, Адольф Андерсен, не померкла и в наши дни. Не случайно их называют теперь некоронованными королями шахмат. Да и сам В. Стейниц долгое время, хотя и признавался сильнейшим, не имел никакого официального титула. Но именно ему, как сказал А. Котов, «было суждено завершить одну эпоху и открыть другую». С провозглашением Стейница чемпионом мира началась родословная шахматной династии чемпионов.

И началась весьма торжественно. Звание чемпиона мира сразу оказалось наделено ореолом исключительности. Даже в те далекие времена интерес к шахматным состязаниям на высшем уровне был необычен. Вот как в 1886 году описывал журнал «Интернешнл чесс мэгзин» события первого матча на первенство мира: «Специальный комитет Манхэттенского шахматного клуба разработал до последних мелочей все подробности состязания. Было отпечатано несколько тысяч программ, заключавших условия матча. Капитан Макензи воспроизвел ходы на стенной доске (4 кв. фута). Эти ходы тотчас передавались не только в различные американские клубы, но даже в Лондон. Противники вели игру за шахматным столиком, ранее принадлежавшим легендарному Полу Морфи».

Любопытно, не правда ли? Ведь это дела давно минувших дней, чуть ли не вековой истории. Кстати, тогда же было установлено, что отныне и впредь звание чемпиона мира должно разыгрываться между чемпионом и соискателем неизменно в матче при взаимно условленном числе партий. И все. Это было единственное правило, зафиксированное в статуте борьбы за первенство мира. К сожалению, на большее шахматный мир еще не был способен.

И шахматные короли обрели много прав, не будучи связанными никакими обязательствами. Они могли сами выбирать себе партнёров из числа соискателей высшего титула, сами назначали время и место поединка и, что совсем немаловажно, определяли финансовые требования. Это привело к тому, что порой звание чемпиона мира доводилось оспаривать шахматистам без особых на то прав (кто помнит сейчас имена таких претендентов, как Гунсберг, Маршалл, Яновский?), а столь замечательным шахматным мудрецам прошлого, как А. Рубинштейн, Р. Рети, А. Нимцович, за всю свою карьеру так и не удалось бросить вызова царившим в их времена чемпионам.

Увы, великие шахматные короли не всегда считались с принципом

справедливости. Человеческие слабости были присущи им, как и простым смертным, и свои интересы они блюли порой в ущерб интересам всего шахматного мира...

Перелом произошел лишь в послевоенные годы, и для этого потребовалось два важных события. Во-первых, чтобы авторитет международной шахматной федерации был укреплен вхождением в нее могучей шахматной организации СССР. А кроме того, чтобы звание чемпиона мира перешло в руки советского гроссмейстера. Эта честь выпала признанному лидеру советских шахматистов Михаилу Ботвиннику. Так сбылась на конец и мечта, зароненная еще в начале века великим основоположником отечественной шахматной школы М. И. Чигориным.

Помню этот счастливый день 9 мая 1948 года. В Москве, в Колонном зале Дома союзов, завершилось состязание пяти сильнейших гроссмейстеров мира. (После трагической кончины на чужбине А. Алехина ФИДЕ вынуждена была заменить традиционную форму поединка на матч-турнир. В нем играли М. Ботвинник, В. Смыслов, С. Решевский, П. Керес и М. Эйве.) Лидировавший М. Ботвинник встречался с экс-чемпионом мира голландцем М. Эйве. Лидеру достаточно было сделать ничью, чтобы стать недосягаемым для соперников. Переполненный зал затаив дыхание ждал желанной развязки. И вот Ботвинник делает ход b2—b4 (кстати, эта пешечка в последовавшей суматохе таинственно исчезла с доски, с тем чтобы позднее объявиться в коллекции сувениров экс-чемпионки мира Е. Быковой), партнеры переговариваются, обмениваются рукопожатием, и в зале вспыхивает овация. Главный судья матча-турнира, старший коллега Ботвинника и по шахматам и по науке почтенный югославский профессор М. Видмар, с трудом перекрывая шум в зале, торжественно провозглашает Ботвинника чемпионом мира! Что тогда творилось! Незнакомые люди в едином порыве вскакивали с мест, обнимали друг друга, поздравляли, ликовали. И как символично, что эта победа отечественной шахматной школы влилась в торжество великого Дня Победы.

Началась новая эра в истории шахмат — эра превосходства советских шахматистов. Забегая вперед, скажу, что еще почти четверть века наш приоритет оставался незыблым — все чемпионы мира и все претенденты были только воспитанниками нашей школы.

С приходом к «власти» Ботвинника был наконец наведен порядок и в такой сложной и затянувшейся проблеме, как регламентация борьбы за первенство мира. По предложению нового чемпиона ФИДЕ принята свод правил, обеспечивающих справедливость и демократизацию выявления претендента. Строгая многоступенчатая система отбора ставила целью открыть доступ к шахматному трону любому шахматисту в любом уголке земного шара и гарантировала беспристрастность. Определились обязанности и у самого чемпиона. Отныне он уже не мог, как прежде, диктовать условия, а должен был мириться с необходимостью защищать свое звание с четкой периодичностью раз в три года и именно с тем соперником, который докажет свое превосходство над всеми остальными соискателями.

Объективность этой системы нашла убедительное подтверждение на практике. В двенадцати матчах на первенство мира, сыгранных по новому принципу, борьба отличалась необычайным упорством, а претенденты неизменно оказывались достойными соперниками чемпиону. Достаточно сказать, что чемпионам удалось добиться побед только в трех поединках, два закончились вничью, а семь выиграли претенденты!

За 24 года абсолютной монополии советских шахматистов на шахматном троне сменились не сколько королей. Кроме Ботвинника, почетнейшим титулом владели В. Смыслов, М. Таль, Т. Петросян и Б. Спасский. Но дольше всех властевал М. Ботвинник. С двумя перерывами по году, когда он словно «одалживал» титул, ему удалось доказывать свое превосходство в течение долгих пятнадцати лет! Это был настоящий подвиг. Только Э. Ласкер в свое время царствовал еще дольше, но тогда конкуренция была несравненно слабее. Ботвинник же как-то сказал: «Один матч на первенство мира стоит двух-трех лет жизни...» А он их сыграл семь.

Монополия в любой области не может оставаться неизменной. В начале семидесятых годов наступил период разочарований и у наших шахматистов. На Западе появился гроссмейстер, сумевший поколебать привычное соотношение сил. Это был выдающийся американский шахматист Роберт Фишер. (Ловлю себя на том, что пишу о нем в прошедшем времени, но, увы, такова трагическая судьба Фишера. Будучи в расцвете жизненных сил, ему сейчас едва за сорок, он для шахмат уже безвозвратно потерян...)

Карьера Бобби Фишера была скоротечной, но блестящей. Еще в юные годы он обратил на себя внимание шахматного мира, в шестнадцать лет стал претендентом на мировой престол. Когда после серии блестательных побед в турнирах и матчах ему в 1972 году удалось обыграть чемпиона мира Б. Спасского и самому овладеть высшим титулом,казалось, что начинается «эра Фишера», которая может длиться очень долго. Старшее поколение уже было не в силах соперничать с ним, из молодых еще никто не предъявлял таких амбиций. Да и сам Фишер был убежден в неколебимости своего трона. Когда М. Эйве сказали, что, по его мнению, Фишер останется шахматным королем десять лет, самоуверенный чемпион даже обиделся: «Что же Эйве думает, что я так скоро умру?»

Но судьба было угодно распорядиться иначе...

Первой неожиданностью, и неожиданностью драматической, стал душевный кризис самого Фишера, абсолютизировавшего значение титула шахматного короля и ставшего бояться состязаний.

Другой, напротив, счастливой неожиданностью был стремительный взлет юного Анатолия Карпова.

Начиная восхождение на шахматный Олимп, он еще не ставил перед собой глобальных задач. «Это еще не мой цикл!», — скромно говорил Карпов в 1973 году. Но случилось невероятное. Как скажочный богатырь, не по дням, а по часам набирался он сил и в течение всего двух лет сумел вырасти в гроссмейстера экстра-класса, в главного претендента на мировое первенство. Думаю, что именно фееричность успехов А. Карпова надломила обычную самоуверенность американского чемпиона, что в конце концов и привело к его отказу от поединка в защиту своего титула.

Несмотря на все попытки президента ФИДЕ доктора М. Эйве и искреннее стремление претендента содействовать успеху его переговоров с Фишером, матч, которого с таким интересом ждал шахматный мир, не состоялся. Согласно регламенту ФИДЕ весной 1975 года чемпионом мира был провозглашен Анатолий Карпов. После трехлетнего перерыва шахматная корона вернулась в Москву.

Но ореол прежнего чемпиона еще не померк в глазах шахмат-

ного мира, и, хотя достижения Карпова были бесспорны, от преемника Фишера ждали новых доказательств его превосходства. И Карпов, несмотря на свою молодость, это прекрасно понимал. Спустя много лет, на вершине славы он скажет: «Став чемпионом мира без матча с Фишером, я дал себе слово доказать, что это не подарок судьбы, что я достоин такого высокого титула, который был мне присвоен. И я побеждал в подавляющем большинстве турниров, хотя чемпион мира вовсе не обязан выигрывать абсолютно все соревнования».

Да, Карпов с чистой совестью может сказать, что он выполнил данное обещание быть активным, действенным шахматистом, с тем, чтобы люди в любых уголках земного шара видели его за шахматной доской, а мастера и гроссмейстеры могли мериться с ним силами, учиться у него, а со своей стороны давать что-то и ему самому.

За годы своего чемпионства А. Карпов был непременным участником всех самых трудных, самых ответственных и престижных состязаний, проходивших где-либо в мире. Его достижения просто поразительны — подсчитано, что за девять лет наш чемпион одержал победы более чем в пятидесяти турнирах, не говоря уже о двух матчах на первенство мира! Пожалуй, ни один из предшественников двенадцатого чемпиона мира не имел такого впечатляющего реестра славы. Но жизнь чемпиона такова, что успокаивается на достигнутом некогда. Нужно вновь и вновь доказывать свое превосходство. Как сказал Смыслов: «Путь к шахматной короне требует титанических усилий и колоссального труда, но овладение «шапкой Мономаха» накладывает еще большие обязательства».

И вот новое испытание. Даже в ряду необыкновенно трудных — особое. Поединок с Г. Каспаровым.

Впервые А. Карпову предстоит в матче скрестить оружие с соперником следующего поколения, шахматистом не только выдающегося дарования, но и стремительной динамики успехов.

Как и Карпов, Каспаров с первой же попытки покорил пик отборочного цикла и, победив подряд А. Белянского, В. Корчного и В. Смыслова, удостоился права и чести бросить вызов самому чемпиону мира.

Успехи Каспарова, столь же сенационны, как в свое время у его соперника. За последние два года он победил во всех состязаниях, где участвовал, сыграв, кроме Карпова, со всей мировой шахматной элитой в общей сложности 64 партии, выиграв 29, 32 свел вничью и проиграл всего три!

Гарри Каспарова нередко сравнивают с Бобби Фишером. Разумеется, только в чисто шахматном плане. Немецкий шахматный журнал писал недавно: «В своем неограниченном стремлении к инициативе, своими необыкновенными комбинационными возможностями, своеобразием замыслов и такт, своей стойкостью в критических позициях и своей выдающейся эндшпильной техникой, выступлениями, полными собственного достоинства (конечно, без выхода Бобби), Каспаров очень напоминает Фишера».

Почему-то принято считать, что

в творческом плане Карпов и Каспаров находятся по разную сторону баррикад. Правильнее сказать, что у них только исходные рубежи были противоположными. Карпов начинал свой путь убежденным приверженцем классических принципов, Каспаров — иррациональным романтиком. Но чемпионом мира можно стать, лишь овладев всеми средствами современного шахматного боя. И бесспорно, что Карпов и Каспаров пришли к этому поединку гроссмейстерами уже универсального стиля.

Карпов обогатил свою игру комбинационными замыслами, изощрил фантазию, расковал темперамент. К нему теперь применима характеристика, данная когда-то Р. Рети А. Алехину: «В выигранных Алехиным партиях над ледяным покровом современной техники ярко горит страстное искашение новых путей». И, напротив, Каспаров мужественно обуздал свои, порой захлестывающие, азарт и темперамент. В короткий срок он смог не только овладеть классической, ясной манерой игры, но и проникнуться ее прелестью. Вспомним, что к числу лучших творческих достижений Г. Каспарова относятся именно его позиционно филигранные победы над Смысловым, одержанные в чисто «смысловском стиле». Видно, запала в душу Гарри критика, высказанная опытнейшим гроссмейстером Р. Бирном полтора года назад: «Чтобы представить перед чемпионом мира А. Карповым в качестве полноправного партнера, ему необходимо в полной мере овладеть искусством позиционного маневрирования, повысить уровень своего мастерства в разыгрывании простых и простейших позиций, в защите стесненных положений при отсутствии контригры». Много задач! И трудных! Тем удивительнее, что Каспарову удалось с ними справиться в короткий срок и в полной мере.

Партнеры приходят к поединку в расцвете таланта и во всеоружии мастерства. Предстоит долгое и напряженнейшее сражение. Ведь для победы нужно выиграть шесть партий, а все знают, как редко проигрывают нынешние соперники. Перед матчем с Капабланкой, игравшимся на аналогичных условиях, Алехин говорил: «Я не представляю, как смогу выиграть у него шесть партий,— и, улыбнувшись, добавил:— но еще меньше я представляю, как Капабланка выиграет шесть партий у меня». Так вправе рассуждать сейчас и Карпов и Каспаров...

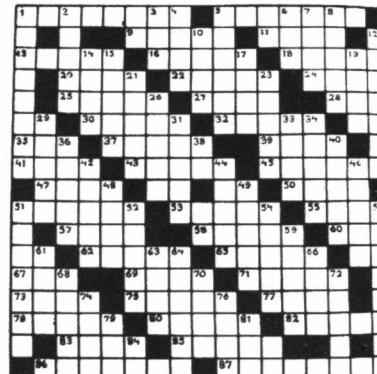
Накануне матча оба они, естественно, исполнены убеждения в своих силах, но при истинном уважении к партнеру. Чемпион мира, как и обычно,держан в своих высказываниях. Претендент чуть более запальчив. «Не хочу выглядеть самоуверенно,— недавно заявил Каспаров,— но считаю свои шансы в предстоящем матче не ниже». И оба сходятся в том, что для выявления победителя потребуется не менее 28—30 партий.

«Ну, а все-таки, каковы же прогнозы?»— вправе спросить читатель.

Обозревателю накануне матча положено сохранять беспристрастность и проявлять известную дипломатичность. Но я позволю себе нарушить эту традицию и высказать личную точку зрения. Думаю, что после упорнейшей борьбы победит Ка-ов!

Первый

КРОССВОРД

Сколько раз приходилось наблюдать людей, увлеченно склонившихся над кроссвордом, то сосредоточенно умоляющих, то взрывающихся догадками, перебивающих друг друга и удовлетворенно посмеивающихся, когда ответ найден. Помню, как одна из разгадчиц говорила:

— У меня уже и словари, и атлас, и другие справочники. Вот только звездной карты нет, но я ее обязательно добуду. Съезжу в планетарий, наверное, там прорадется...

Внимая подобным высказываниям многочисленных почитателей кроссворда, убеждаешься в том, что основное в этой литературной игре — содержание. Достоверность сведений о ее происхождении проверить затруднительно, но точно известно — первый кроссворд на страницах советской печати появился 12 мая 1929 года в № 18 журнала «Огонек».

Немалое время кроссворды с технической стороны и в подборе слов были еще не очень совершенны. В двадцатые и в тридцатые годы включались такие «перлы», как — «нахал», «тумак», «путемоля», «мегера», «человеконенавистничество», «мот» «навет», «кор»... Усугубляли безрадостное впечатление названия болезней: «ракит», «цинга» «оспа», «сан»... Сказывалось подражание зарубежным кроссвордистам, которые не «отягощались» познавательностью содержания и заполняли формы (обычно в виде четырехугольника, порой во всю страницу) первыми подходящими для пересечения словами.

Постепенно в советских кроссвордах стал намечаться свой стиль и во внешних очертаниях и в словарном составе. Этому заметно содействовал Н. Н. Секундов, возглавивший в конце сороковых годов огоньевский отдел занимательной информации, разновидностью которой является и кроссворд. Понимая, что эта литературная игра, пользующаяся широкой популярностью, все же не имела четких правил, Секундов организовал авторский коллектив составителей кроссвордов для выработки с его помощью основных пунктов правил. В авторский коллектив входило обычно три-четыре составителя. 35 лет назад присоединился к нему и я. Первым же среди нас был С. Г. Егоров, ставший потом консультантом по вопросам, касающимся этой игры.

При разработке правил исходили в первую очередь из того, что познавательные возможности благодаря обилию современной информации нынче очень широки, но человеческая память не всеобъемлюща, поэтому не надо перегружать читателя поисками слов, не являющихся в познавательном смысле первостепенными. Например, не слишком интересен читателям поиск названий болезней и медикаментов (многие из последних давно переименованы). Не представляется возможным отыскивать тысячи населенных пунктов, поэтому вносятся названия городов, а поселков — лишь тогда, когда они являются курортами, портами или центрами автономных округов.

«Очень люблю решать кроссворды, которые печатает «Огонек», — пишет из Ленинграда Н. В. Беляев, — они помогают скрасить свободное время, а чтоб отгадать некоторые вопросы, порой приходится пользоваться соответствующей литературой...»

«Решать кроссворды — это отдох. Интересно и занимательно, — вторит ему горнорабочий шахты «Кировская» Н. А. Брейфель из Караганды.

К моему мнению присоединяется и подпольщик в отставке М. П. Попов из Петрозаводска, читающий «Огонек» с 1948 года: «Когда сидишь над разгадыванием кроссворда, получаешь удовлетворение от того, что пополняешь свою память неизвестными или забытыми фактами, названиями. Приходится обращаться к справочникам, атласу, литературе, словарям и другим материалам».

«Мы всей семьей решаем кроссворды вашего журнала. На наш взгляд, они очень интересны по своей тематике, заставляют много работать с литературой...» — пишет семья Бурьян из Донецка.

Особенно ценные читательские отзывы, которые сопровождаются и некоторыми претензиями. Например, москвич В. Румянцев пишет: «Очень давно отгадываю огоньевские кроссворды, причем только их — они интересны по своему содержанию и, как видно, рассчитаны на широкий круг достаточно образованных, имеющих большой жизненный опыт людей в годы... Разумеется, кроссворд «легкий», который разгадывается «с ходу», немногие и ничего не дает. Кроссворд должен отгадываться днем два — не сразу все вспомниши, нужно заглянуть в атлас, справочный материал, и тогда заполнение кроссворда приносит удовлетворение. Такие кроссворды в «Огоньке» — как правило. Однако иногда в них вставляются слова, которые могут знать только специалисты... Прошу составителей кроссвордов не ставить себе задачей обязательно «поднудить» читателя. Примеры не привожу, они известны».

Б. ФЕДОРОВ

Юрий ПРОКОПЕНКО

ЮМОРЕСКА

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я сидел в кабинете председателя месткома и разглядывал свои ногти так, словно видел их впервые. Через минуту он повторил свой вопрос:

— Как это случилось?

— Даже не помню, с чего все начались, — сказал я, стараясь не смотреть ему в глаза. Мне уже было ясно: тут пахнет серьезным делом.

— А вы все-таки припомните, — строго сказал он.

— Кажется, началось с того, что как-то Василий Петрович, задержавшись на работе, попросил меня пойти с его супругой в кино...

— Что вы сделали?

— Конечно. Разве мог я отказать Василию Петровичу!

— Ну, а дальше?

— Дальше он снова, задерживаясь на работе, попросил меня пойти с его супругой в театр.

— И вы тоже не могли отказать?

— Не мог. Он так просил...

— А далее?

— А далее я ходил с ней в цирк, на выставку собак, на соревнования по легкой атлетике...

— В то время, как Василий Петрович задерживался на работе?

— И не только на работе. Его супруга не любит футбол, поэтому когда он ходил на стадион, то обязательно поручал мне развлекать его половину.

— А что же было потом?

— Потом он поручал мне развлекать ее и тогда, когда играл в шахматном клубе. Она не любит шахмат.

— А что она любит?

— Прогулки, анекдоты, пирожные, коктейли и многое другое...

— Впервые слышу, что вы умеете анекдоты рассказывать.

— Я тоже умение это открыл в себе случайно.

— Мы отклоняемся от темы, — сказал председатель месткома. — Пора уже переходить к главному. Итак, вы гуляли, пили, анекдотами развлекались. И что же было дальше?

— Да дальше? Были стихи. Сперва читала она, потом — я, потом мы вместе.

Председатель помолчал, задумчиво глядя в потолок.

— Ну, а какие еще интересные детали? — спросил он.

— Да разве все припомнишь? — неуверенно ответил я.

— Цветы дарили?

— Всего дважды за все время. Первый раз от имени Василия Петровича. Второй — от себя.

— А разные там сувениры, духи?

— Да, но не часто, — опустил я глаза.

Председатель снова помолчал, глядя в окно.

— Признайтесь честно, — сказал он, — вы за глаза ругали Василия Петровича, насмехались над его привычками или странностями?

— Ни единого раза. Напротив,

когда она пытались что-то о нем нехорошее сказать, я ей тут же возражал...

— А все же таки когда вам пришло в голову сделать этот шаг?

— Ничего мне не приходило в голову. Я и сам не знаю, как случилось, что я предложил ей стать моей женой. Последний раз, когда, отправляясь в командировку, Василий Петрович попросил не оставлять ее в одиночестве, я даже предупреждал его: «Это может плохо кончиться!» А он лишь самоуверенно усмехнулся...

— Итак, он уехал в командировку, а вы в это время сделали предложение его супруге? Теперь, наконец, все ясно. — Председателя задумчиво уставился взглядом в пол.

— Только у меня к вам одна просьба, — отважился я прервать его размышления.

— Слушаю вас.

— Когда на собрании будет рассматриваться мое персональное дело, не надо смаковать все эти подробности...

— Хорошо, обещаю. Только за это я тоже хочу вас попросить об одном одолжении.

— Прошу, — сказал я.

— Дело это, конечно, деликатное. Видите ли, на той неделе я еду в командировку. Так не могли бы вы немного развлечь мою супругу? Вы так хорошо умеете это делать...

С украинского перевел Ян ОСТРОВСКИЙ.

ФРАЗЫ

На афоризмы могут обижаться только люди, лишенные чувства юмора.

Если вы еще летаете во сне, значит, растете по службе.

У некоторых в голове гуляет столько ветра, что рядом с ними можно простоять.

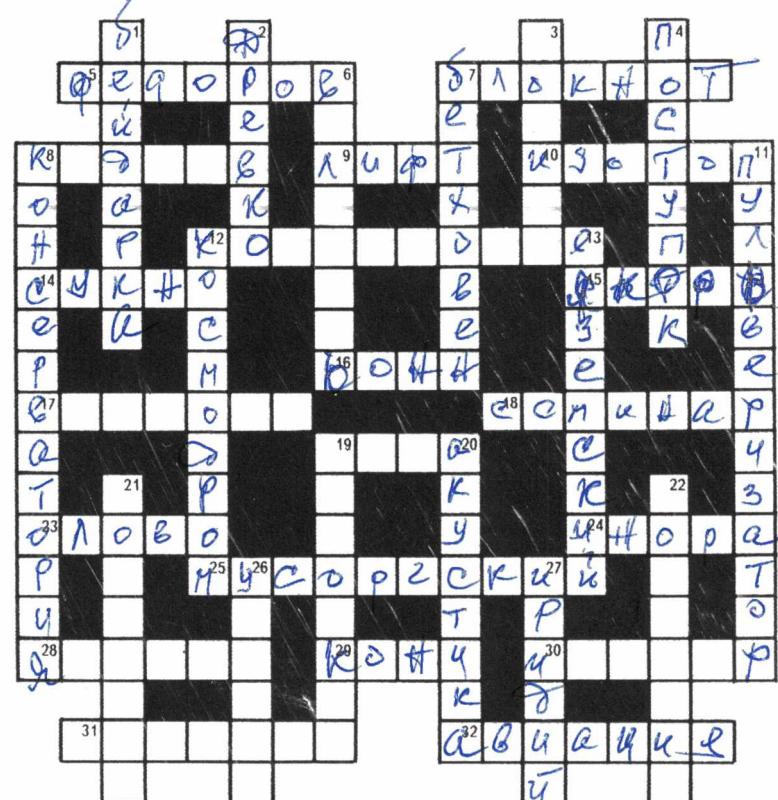
Не таскайте жизнь через проходную!

Продавцы делили взаимовыручку.

Если взял случайно чужое препятствие, поставь на место.

Когда просят войти в положение, хотят узнать, как из него выйти.

Геннадий МАЛКИН

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Командир одного из партизанских соединений в Великой Отечественной войне. 7. Записная книжка. 8. Народный артист СССР. 9. Подъемник. 10. Разновидность одного и того же химического элемента. 12. Математик, академик, Герой Социалистического Труда. 14. Плотная ткань с ворсом. 15. Часть электромашин. 16. Город в ФРГ. 17. Опера П. И. Чайковского. 18. Вид учебных занятий. 19. Гонки рысистых лошадей. 23. Металл. 24. Приток Невы. 25. Великий русский композитор. 28. Основоположник литовской пролетарской поэзии. 29. Русский юрист, почетный академик. 30. Приток Куры. 31. Действующее лицо пьесы Н. Ф. Погодина «Кремлевские куранты». 32. Воздушный флот.

По вертикали: 1. Спортивная лодка. 2. Шест знамени. 3. Маскарадный костюм. 4. Совершенное действие. 6. Басня И. А. Крылова. 7. Великий немецкий композитор. 8. Высшее музыкальное учебное заведение. 11. Прибор для разбрызгивания жидкостей. 12. Комплекс оружий для запуска ракет. 13. Русский поэт. 19. Народный артист СССР. 20. Учение о звуке. 21. Увертюра Л. Бетховена. 22. Русская мера веса. 26. Город в Швеции. 27. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 36:

По горизонтали: 1. Кровопусков. 8. Картинг. 9. Аполлон. 10. Пенза. 11. Столб. 13. Бердинов. 15. Сверло. 16. Слива. 18. Рулада. 19. Инфинитив. 20. Магнитола. 22. Сланец. 24. Анонс. 25. Нартов. 27. Верхоянск. 30. Олимп. 32. Гаити. 33. «Торпедо». 34. Тромбон. 35. Автомотриса.

По вертикали: 1. Катла. 2. Вагнер. 3. Патронник. 4. Станок. 5. Вилкс. 6. «Шахнаме». 7. Рогожка. 10. Престиссимо. 12. Бараташвили. 13. Блохинцев. 14. «Вороненок». 16. Спика. 17. Аракс. 21. Коромысло. 23. Артишок. 26. Туликов. 28. Рококо. 29. Нектар. 31. Папка. 32. Гамма.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ:
Книги М. А. Шолохова из фонда Ростовского краеведческого музея.
(См. в номере материал «Планета читает Шолохова»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Открытка, публистика и информация — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Познаний — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 20.08.84. Подписано к печати 5.09.84. А 00415. Формат 70×108 $\frac{1}{4}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 719 000 экз. Изд. № 2409. Заказ № 3273.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Здравствуй, Баянаул!

Ю. ЛУШИН

Фото автора

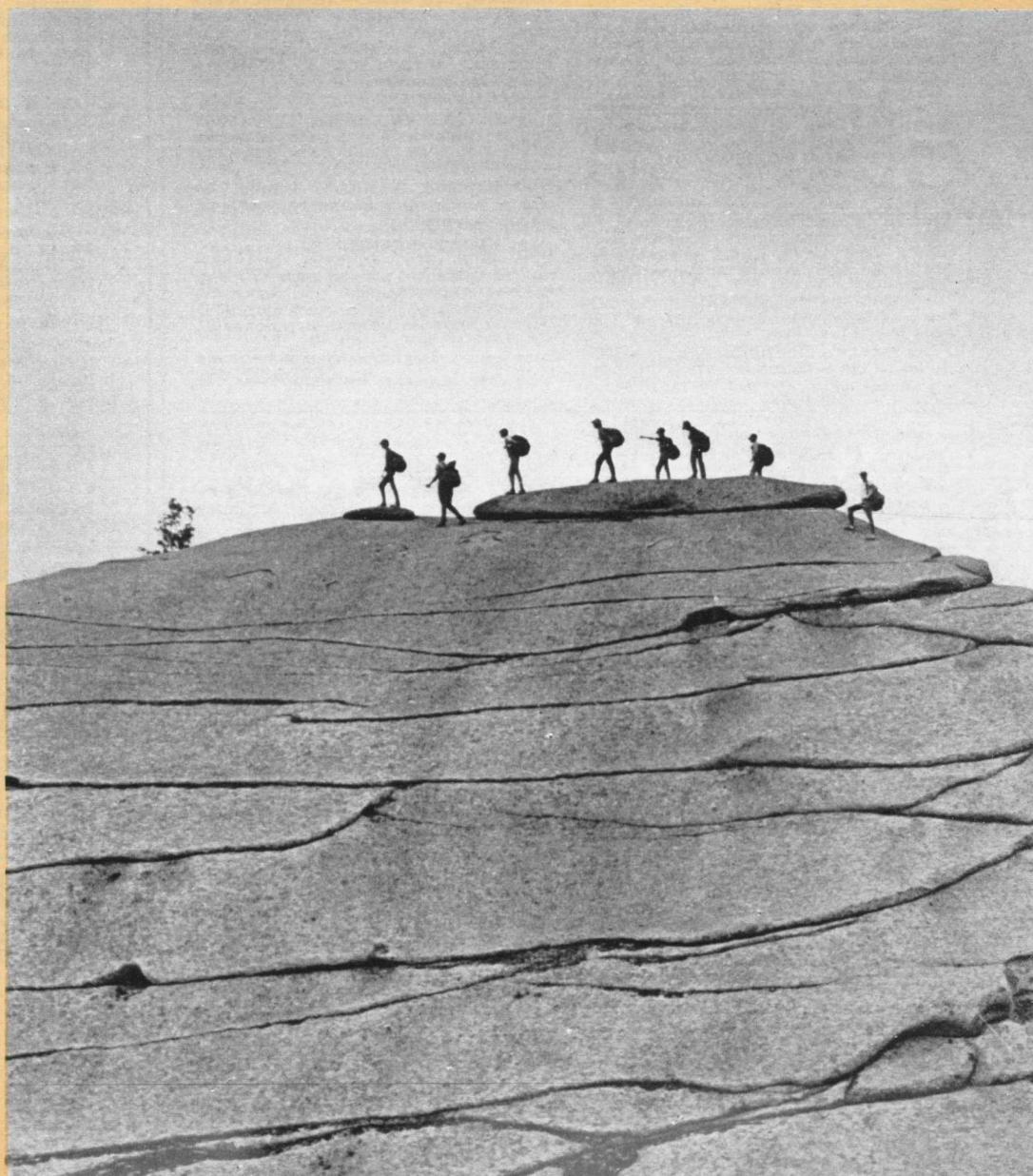
Причудливые скалы на синем фоне неба, родники и прохладные ручьи с заросшими ольхой берегами, каменные террасы над синью озер. Удивительное это место — Баянаул! На всей земле казахской не найдешь другого такого. Едешь много часов из Павлодара по опаленной солнцем плоской степи, и кажется, что конца-края ей не будет. И вдруг покажется вдали то ли стадо огромных верблюдов, пересекающих степь, то ли сказочный мираж, повисший в этойном мареве. Значит, завиднелся вдалеке оазис Баянаул — как подарок уставшему путнику, как награда за долгий путь. И займется от восторга сердце, когда открываются взору чистейшие озера — Жасыбай, Торайгыр, Сабындыколь в оправе зубчатых хребтов. По берегам их, под сенью сосен расположились многочисленные пионерские лагеря, зоны отдыха, турбазы. Ежегодно Баянаул дарит хорошее настроение и здоровье примерно сорока тысячам отдыхающих.

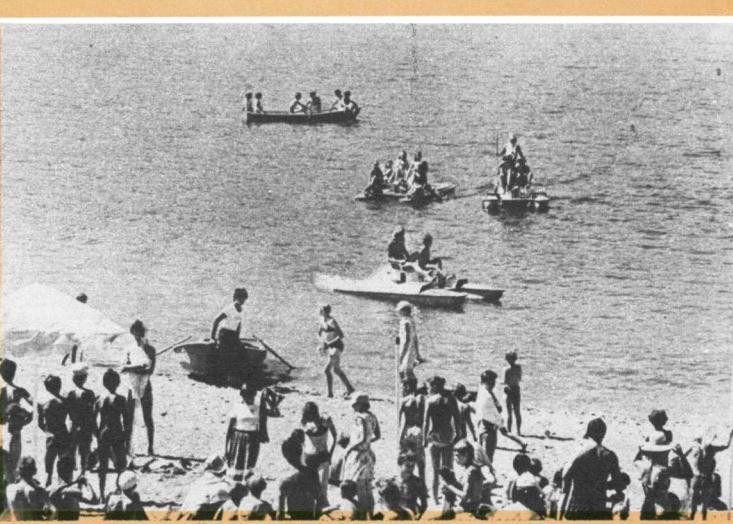
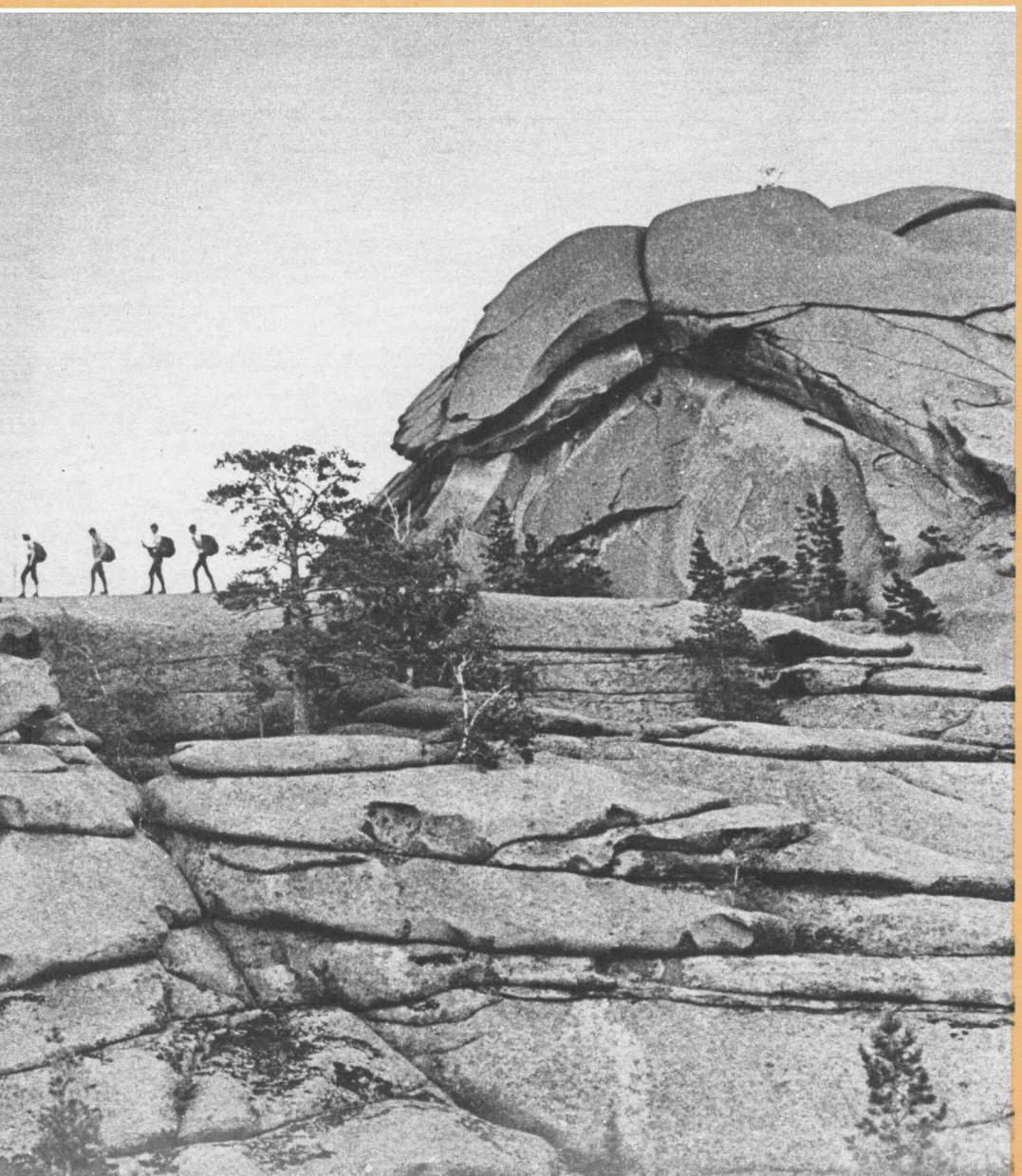
На турбазе «Баянаул» наложен семейный отдых с детьми, поэтому здесь особенно весело. Разработаны самые разнообразные туристские маршруты: для детей, для людей пожилого возраста, для подготовленных туристов. Организованы на маршрутах места ночевок, где есть запасы дров (ибо какой же туризм без костра).

А пройдешься по тропкам потаенным и вдруг заметишь в удивлении, как ожидают сами скалы. То превратится одна из них в профиль злой колдуны Кемпиртас, а другая окажется голубкой или лошадиной головой — Атбасы, или могучим батыром, или загадочным сфинксом, или даже космонавтом в шлеме... Кто создал все эти чудеса? Мне хочется наряду с точным знанием верить и в сказку. Я понимаю, конечно, что скала Голубка и другие каменные изваяния тысячелетиями сиял единственный скульптор — природа, что оазис в степи возник, как объясняют ученые-геологи, миллионы лет назад в результате вулканической деятельности. Но, услышав у туристского костра легенду о Голубке, я почти поверил в ее реальность...

...Однажды давным-давно делили между собой казахские племена землю и воду. Разгорелся между ними смертельный бой, в котором участвовали сыновья одной бедной женщины. Когда дошла до матери эта печальная весть, превратилась она в птицу и полетела на место боя, чтобы прекратить междуусобицу. Увидев, как гибнут один за другим ее сыновья, окаменела от горя. А потрясенные люди прекратили дележ, на земле воцарился мир, и оказалось, что всем живущим хватает и воды и земли...

Утром туристская труппа повела нас дальше, и потом встречал нас на озере Жасыбай повелитель морей Нептун, и черти морские бросали нас в прохладу его вод. Все с удовольствием покорялись их власти, потому что лето в Казахстане не менее жаркое, чем в Крыму. И всем нам было хорошо. Всем хватало и земли, и воды, и целебного настоя сосен, и мирной синевы неба.

山の邊
樹林
湖
「雨の邊」

